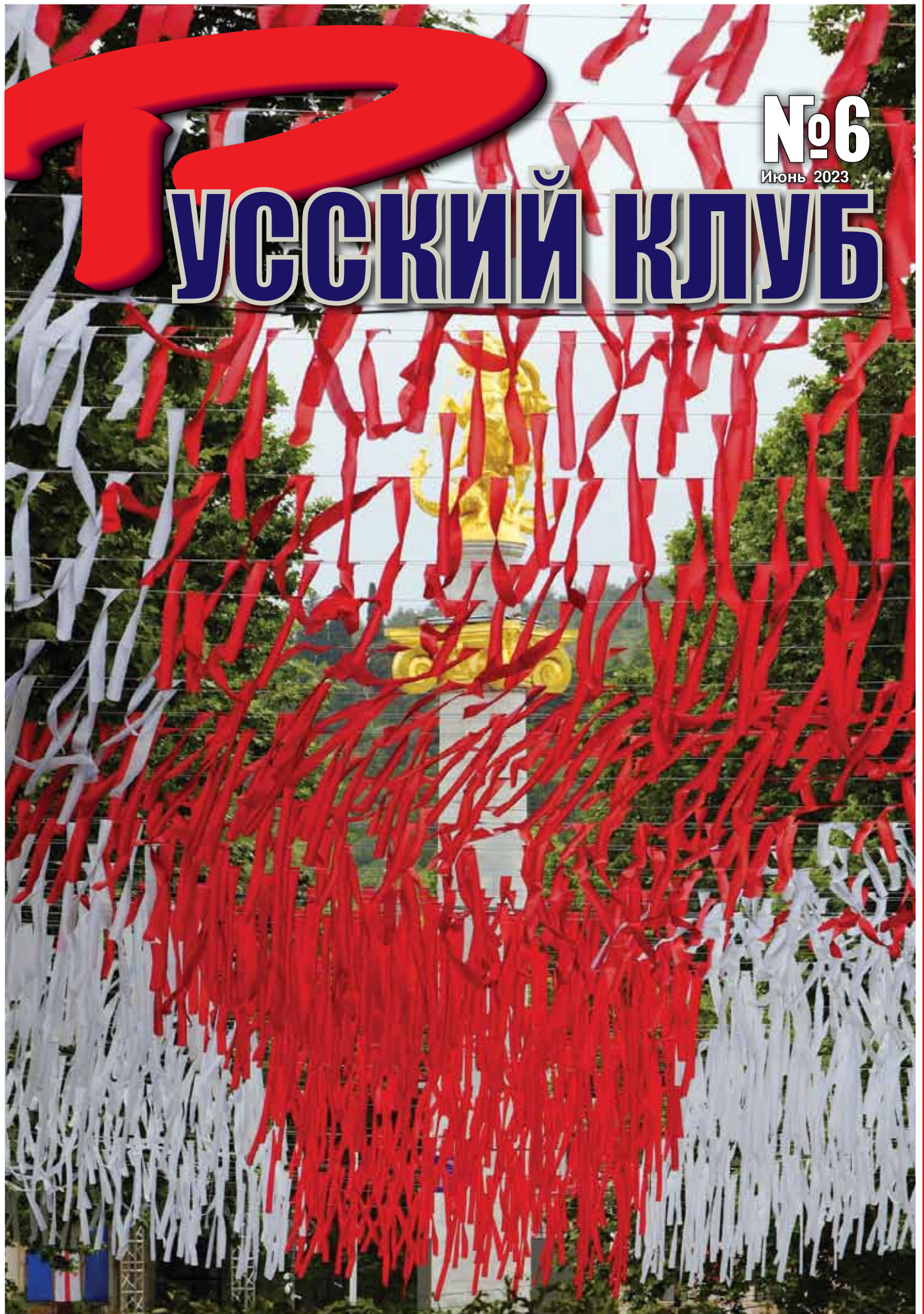
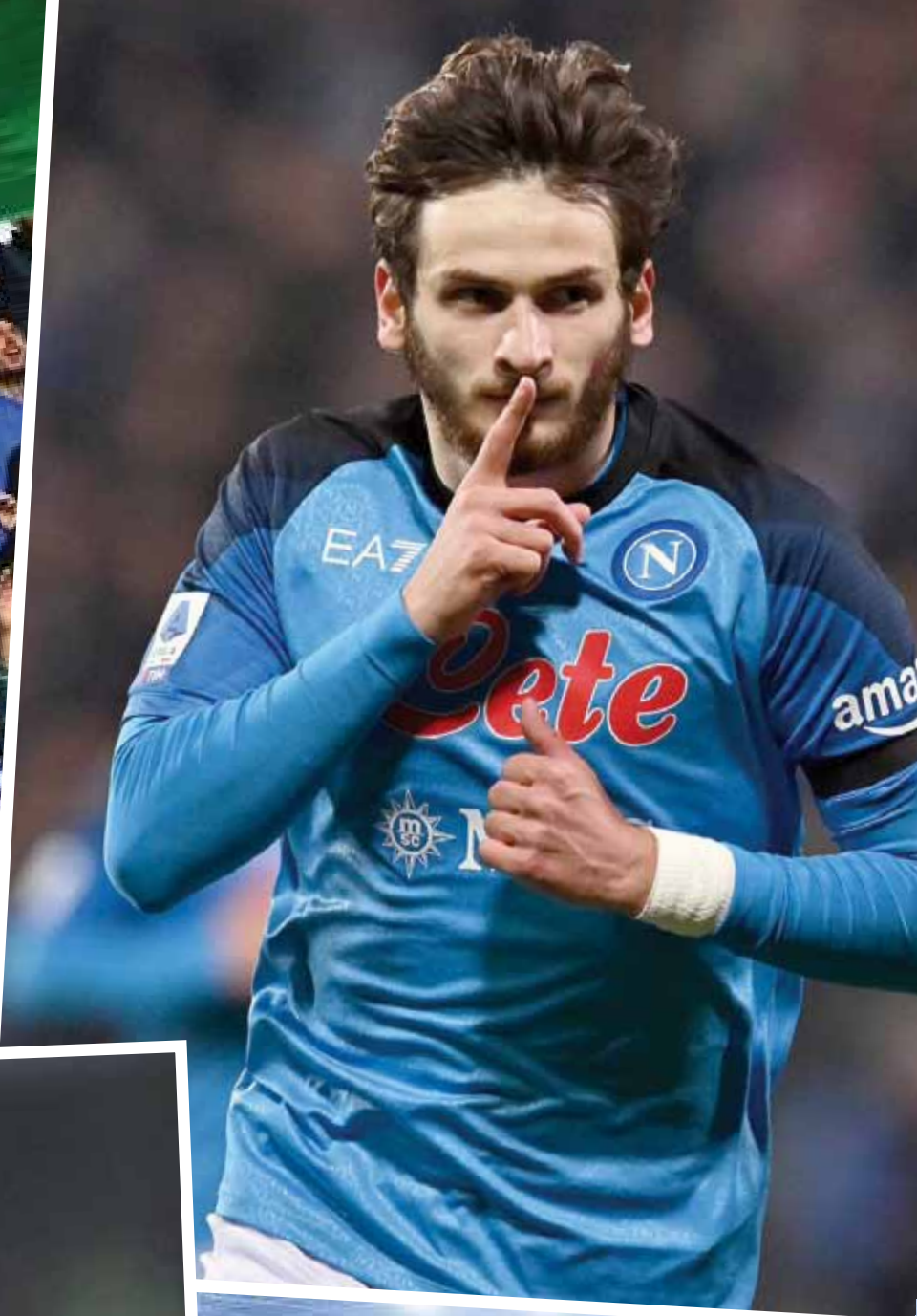

№6

Июнь 2023

УССКИЙ КЛУБ

Атакующий полузащитник итальянского клуба «Наполи» и сборной Грузии Хвича Кварацхелия стал вторым, после защитника «Милана» и сборной Грузии Кахи Каладзе, грузинским игроком, который выиграл чемпионат Италии.

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6 (212)
Июнь 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ. ФОТОРЕПОРТАЖ
- 8 СПЕШИТЕ ЖИТЬ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 11 ТРИЖДЫ ВОСКРЕСШИЙ
ЮРИЙ ЗВЯГИН
- 14 КРОТКИЙ ЧЕЛОВЕК С БОЖЕСТВЕННЫМ ГОЛОСОМ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 17 СОЗЕРЦАНИЕ ЧУДА
НОДАР НИКУРАДЗЕ
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 28 ПОСВЯЩЕНИЯ
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 32 ДИАЛОГИ С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ
ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ
АНДРЕЙ МАРУДЕНКО
- 36 ТАК НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ
НИНА ШАДУРИ
- 39 СОКРОВИЩА НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 44 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 49 ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАЛИКО ХВИНГИАДЗЕ
РЕЗО ЧЕИШВИЛИ
ПЕРЕВОД КАМИЛЛЫ МАРИАМ КОРИНТЭЛИ

На обложке – фото Бадри Вадачкория

ОТ ДО

Роб АВАДЯЕВ

УКРАДЕННАЯ ШАРИКОВАЯ РУЧКА

На самом деле принцип использования шарика вместо пера был известен еще в 19 веке. Официально считается, что изобретению всем известной шариковой ручки исполняется 80 лет. Это произошло 23 июня 1943 года, в самый разгар войны. Но тот, кто оформил на себя патент в США, попросту украл готовое изобретение, сделанное еще в 30-х годах прошлого века венгерским журналистом Ласло Биро. Кому, как не работнику прессы, вынужденному очень быстро записывать информацию для своих публикаций, понадобится такая удобная вещь? Особенно, если надоело сажать чернильные капли из авторучки на бумагу или даже на собственные брюки. Но он не удосужился вовремя оформить патент и, как следствие, не разбогател. А мог бы!

120 ЛЕТ АВТОМОБИЛЯМ «ФОРД»

«Цвет автомобиля может быть любым – при условии, что он черный». Так говорил миллиардер, филантроп, гениальный предприниматель и талантливый изобретатель более 160 устройств, который еще 100 лет назад попросту взял и «придумал» автопром. Притом, первые сорок лет его жизни были ух какими тяжелыми – надо было выживать и кормить семью, а свои автомобили он создавал ночами в сарае. Впрочем, и все нынешние гении мира компьютеров начинали свои великие компании в гаражах родительских домов, экономя на гамбургерах, чтобы покупать радиодетали. К тридцати годам Генри стал инженером на заводе Эдисона и продолжал работать над своими проектами в свободное время. Только в 1903 году, с помощью группы финансистов, которым он изрядно надоел со своими идеями, этот настырный гений и основал свою легендарную компанию «Форд мотор» – по сей день одну из крупнейших в мире. И сразу «навалились» неприятности – Генри несколько лет преследовали за нарушение патента некоего Дж. Селдена, который создал свой автомобиль еще 30 лет назад, причем только «на бумаге», а не «в металле». Но не на того напали – твердый и неуступчивый Форд все-таки отбил-ся от сутяжников и защитил как бизнес, так и интересы покупателей своих машин. Его легендарный Форд-Т 1908 года выпуска, или «Жестянка Лиззи», как называли эту машину, стала абсолютным победителем в борьбе за симпатии автолюбителей. В момент создания она стоила 825 долларов, что по тогдашним временам было совсем не мало, а уже через четыре года – почти в два с половиной раза дешевле. И штамповали их сотнями в день. Генри Форд был одним из первых, кто применил на своих заводах конвейер. Он буквально «пересадил Америку на колеса», спровоцировав автомобильный бум и заставив правительство страны срочно развивать дорожное строительство и строить сеть автострад. Так автомобиль стал не роскошью, а предметом первой необходимости. Форд был невероятен в своей предприимчивости и настойчивости. Он строил повсеместно суперсовременные по тем временам автомобильные заводы, заботясь в том числе о здоровье, удобстве и высокой оплате труда своих рабочих, и говоря, что не работодатель платит рабочим зарплату, а клиент, покупающий их продукцию. У Форда было одно важное правило: «производить товары самого высокого качества по

минимальным ценам, выплачивая сотрудникам максимальную заработную плату». А еще этот гениальный, успешный и очень непростой человек, с подчас ультрареакционными взглядами, говорил: «Человек умирает тогда, когда перестает меняться, а похороны – простая формальность».

И «ПЕПСИ-КОЛЕ» 120 ЛЕТ

Знаете ли вы, что обе самые знаменитые на свете газировки «Кока-кола» и «Пепси» изобретены фармацевтами еще в 19 веке? А это так! Прежде чем они стали называться прохладительными напитками, они продавались в аптеках. Ветеран Гражданской войны Джон Пембертон страдал от последствий тяжелого ранения, и для облегчения страданий ему был прописан совсем не запрещенный в те времена морфий. Это пристрастие его очень угнетало, как, впрочем, и других фронтовиков, его друзей. И тогда Джон решил облегчить им и себе жизнь, создав для крупной «Аптеки Джекобса» препарат «Кока-кола», содержащий совсем немного наркотика кокаина с кофеином из орехов колы, а также много всяких сладких и вкусных добавок. Эту смесь продавали желющим по пять центов за стакан, рекламируя в качестве средства от наркозависимости для ветеранов, а заодно и от дамской депрессии и неврастении плюс для улучшения пищеварения и от почечной болезни. В дальнейшем кокаин из состава, естественно, исключили.

Создатель «Пепси» Калев Брэдхем, последователь Пембертона, к счастью, не обремененный столь драматическим военным прошлым, был обычным предприимчивым провинциальным аптекарем. Он создал свой напиток, который сам же и продавал. В названии фигурировал желудочный фермент пепсин (которого, к слову, там никогда не было). Это было средство для улучшения пищеварения, избавляющее от несварения желуд-

ка. Там не было никакого наркотического ингредиента, но тоже было много вкусовых добавок, включая сахар и ваниль. Эта неопасная для здоровья фармацевтическая смесь была запатентована Брэдхемом в июне 1903 года. Судьба у компании оказалась сложной, ее владельцы не раз банкротились, а в 1923 году при разбирательстве в суде по банкротствам им даже пришлось раскрыть заветный секретный рецепт Пепси. Но напиток понравился людям, и со временем составил серьезную конкуренцию «Кока-коле». В их соперничестве не обходилось без оригинальных ухищрений. Например, «Пепси» стали разливать в большие бутылочки, объемом 12 унций (354 мл), в то время, как у конкурентов были бутылочки вдвое меньше (192 мл). А цена-то была одна и та же —

пять центов. Автоматы для продажи газировки принимали только пятицентовые никелевые монеты. «Кока-кола» пострадала, так как у них был в запасе целый миллиард бутылок, и они не сразу могли среагировать на коварство конкурентов. Так Пепси получил изрядный бонус, позволивший почти сравняться по продажам с соперниками.

Но и у таких огромных мировых компаний-монстров есть если не совесть, то корпоративная этика. Когда один перебежчик из «Кока-кола» сообщил руководству Пепси, что раскроет им секретный состав конкурентного продукта за хорошее вознаграждение, его попросту сдали полиции, не вскрывая конверта с чужой коммерческой тайной.

Так и живут уже больше века непримиримые конкуренты, а люди все так и не решили, какая из газировок вкуснее.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ЖИЗНИ

Мы ничего не знаем о первой половине довольно долгой для средневековья жизни этого человека, кроме года его рождения, чудом сохранившегося в летописях. Да и то потому, что в зрелости и старости он был необычайно влиятельным и высокопо-

ставленным. На страницах истории наш герой появился только в 531 году н.э. в солидном возрасте 53-х лет. Когда легендарный византийский полководец Велизарий если не проиграл битву при Калинике персам Царя царей Кавида I, то с трудом добился сомнительной ничьей, император Юстиниан I прислал ему в помощь никому не известного приближенного — невысокого, тщедушного, очень немолодого армянина, и к тому же евнуха. Этот бывший, неведомо откуда взявшийся, раб по имени Нарсес держался почтительно, вежливо, но довольно независимо. Он внимательно ознакомился с обстановкой, а потом исчез ночью с парой слуг в направлении персидского лагеря. Его долго не было, а утром персов внезапно покинул мощный армянский корпус из состава их войск, которые попросту ушли домой. Персидский военачальник был вынужден бросить лагерь и немедленно отступить перед лицом византийцев, которых теперь было больше. По возвращении в столицу император назначил Нарсеса на немалый пост хранителя царских покоев, приблизив к себе и сделав своим советником. В другой раз он проявил себя, когда началось ужасное восстание «Ника» 532 года, и полгорода было в огне, а составившие, захватив ипподром по соседству с Великим золотым императорским дворцом, требовали отставки Юстиниана. Император уже было подумывал бежать из охваченной бунтом столицы, однако его жена Феодора пристыдила его и царский совет. Решено было справиться с восстанием. А Нарсес с двумя помощниками под покровом ночи пробрался в логово восставших и вступил в переговоры с вождями венетов. Что он им говорил — неизвестно, но поутру они разошлись по домам и увели своих соратников. С оставшейся частью черни разобрался Велизарий вместе с другими генералами. Жертв было больше 30 тысяч. А молчаливого евнуха Нарсеса сделали сенатором, патрикием и главным казначеем, в общем, одним из первых людей в империи. Его удостоили своей милостью и приблизили к себе император и его всемогущая супруга Феодора. И Нарсес не подвел, он не подводил никогда. Его использовали в критических ситуациях как антикризисного менеджера. Например, чтобы подавить очередное восстание в египетской Александрии. Нарсес также спокойно и без излишнего шума руководил финансами, развитием ремесел и сельским хозяйством. И, представьте себе, не воровал и не брал взятки. Даже историк Прокопий Кесарийский, не жаловавший придворных Юстиниана, ни разу не уличил его ни в чем предосудительном и считал «человеком

острого ума и чересчур энергичным и сильным для евнуха». А потом случилось и вовсе невероятное — Нарсес оказался талантливым... полководцем. На восьмом десятке жизни его отправили в Италию руководить войсками, где он выиграл войну с готами, захватил Рим и большинство италийских провинций, не проиграв при этом ни одного сражения. Его не могли смутить ни тактические уловки врага, ни внезапные атаки конницы, ни ложное заманивающее отступление, ни засады и ловушки. Старик был хладнокровен и невозмутим. И, кстати, не любил добивать поверженных соперников, устраивая террор, а предпочитал уговаривать их уйти с покоренных им земель. Нарсеса император Юстиниан назначил экзархом всей Италии — то есть, правителем. И, отбив атаки франков и алеманнов, старик двенадцать лет поднимал из руин несчастную страну, строя дороги и мосты, восстанавливая разрушенное бесконечными войнами хозяйство. Но когда умер его покровитель Юстиниан и пришел новый император, звезда Нарсеса закатилась. Его отозвали в Константинополь, а супруга императора прислала ему женскую пралку, намекая, что на большее, чем пралка, он уже не способен. Гордый Нарсес послушался приказа и отправился жить в свое поместье неподалеку от Неаполя, отправив императрице ответ: в жизни своей ты, молодая хамка, не увидишь моего унижения! «Дедушка старый, ему все равно», как в веселом стихе. Нарсесу было уже за девяносто, а он и в прежние годы мало кого боялся. Выдающийся византийский полководец прожил 95 лет и в последние годы дружелюбно беседовал только с одним другом — Римским папой Иоанном III. После смерти Нарсеса все его богатства были розданы его ветеранам и направлены на благотворительность, а новый император, невзирая на ссору со стариком, перевез его тело в Константинополь и устроил пышные похороны в специально построенной церкви.

26 МАЯ ГРУЗИЯ
ОТМЕТИЛА
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПРАЗДНИК –
ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

фото Елены ГАЛАШЕВСКОЙ

СПЕШИТЕ ЖИТЬ

— Алена ДЕНЯГА

Каждый зритель приносит в театр
свою собственную акустику
Станислав Ежи Лец

Что такое театр и с чего он начинается – каждый ответит по-своему. И для каждого из нас он свой. Сколько ни сулили театру в начале XX века исчезнуть после появления кинематографа; сколько ни предсказывали театру конца двадцатого столетия изжить себя после наступления эры «всемирной паутины», Его

Величество театр из года в год отмечает свой день рождения и продолжает удивлять чем-то новым, свежим, необычным, обновленным и оригинальным. И появляются новые формы, а если не новые, то хорошо забытые старые – иначе воспринятые, по-иному прочувствованные, модные и актуальные. И театралный зритель не остается неизменным – тонкая ниточка всегда натянута, не провисает, напротив, пульсирует в ответ на преобразования и перевоплощения.

Спектакль «Не горюй! Дanelиада в двух действиях» на сцене театра имени А.С. Грибоедова... Как говорит режиссер-постановщик Автандил Варсимашвили, художественный руководитель театра: «Это – спектакль-посвящение, посвящение трем великим грузинам, Георгию Дanelия, Резо Габриадзе, Гие Канчели, которые сыграли очень большую роль в нашей культуре, в нашем сознании... Это спектакль-благодарность, поклон их таланту... Какие удивительные были рядом с нами люди...»

Жители Грузии несут в себе это замечательное запрограммированное послание – «Ар даи-

дардо!». Не горюй, не печалься! Не это ли христианская заповедь «Не унывай», ибо уныние это грех.

В начале первого действия на сцене обыгран зал «синема». Конец XIX века. Городок где-то в Грузии (наверное, Кутаиси?). С экрана звучат строки Геннадия Шпаликова, конечно, на музыку маэстро, в исполнении Георгия Дanelия.

Людей теряют только раз,/ И след, теряя, не находят,/ А человек гостит у вас,/ Прощается и в ночь уходит...

Дanelиада неслучайно названа «дanelиадой». Здесь прослеживаются отсылки к фильмам кинорежиссера – «Мимино», «Паспорт», «Кин-дза-дза!». И зрители вместе с героями выстраивают воздушные мостики словно переброшенные от фильма к фильму.

С первых же минут тебя захватывает и поглощает театральная атмосфера, музыка словно плетет паутину и ты уже в этом плену – околдованный, очарованный.

На протяжении всего спектакля задействован сценический круг. Декорация динамична и

пластична (сценограф Джейран Пачуашвили, член Союза художников СССР, Грузии), резные балкончики, цветочное облако – они, живые, вальсируют в ритмах Гии Канчели. На сцене периодически появляется «двигатель внутреннего сгорания» – еще один «житель» этого города, гибрид экипажа с автомобилем.

Из интервью Гии Канчели: «Самое такое время, в котором я бы предпочел жить – конец XIX – начало XX столетия. Это сравнительно спокойное время... Время, когда еще не ушли экипажи, а уже появились первые машины, и они сосуществовали вместе. Наверное, я предпочел бы жить в те времена. А может, и жил, я не знаю...»

Беззаботность главного героя Бенжамена Глonti, молодого врача, в кругу веселой, шумной компании – гуляк и иждивенцев-приживальцев. Трогательность его родственников. Юмор, чудачества, доброта и мудрость героев... Так бы и шли годы. Но жизнь диктует свое. Встреча со старшим коллегой, врачом Леваном Цинцадзе, и его дочерью меняет его. И мы видим метаморфозу – наш герой взросле-

ет, набирается ума, грустнеет. Раскрыта и тема любви, и тема чести. Тема смерти и... новой жизни.

*Это легкий переход
В неизвестность от забот...
В интерлюдии звучат гениаль-*

ные строки Галактиона, Бараташвили, песни на музыку Гии Канчели – «Дует ветер», «Желтые листья», «Меня не зови» и др.

Поэзия переплетена с пластичной персонажей, с их романтичностью и харизматичностью. Но легкость бытия – обман, подует

ветер – все исчезнет...

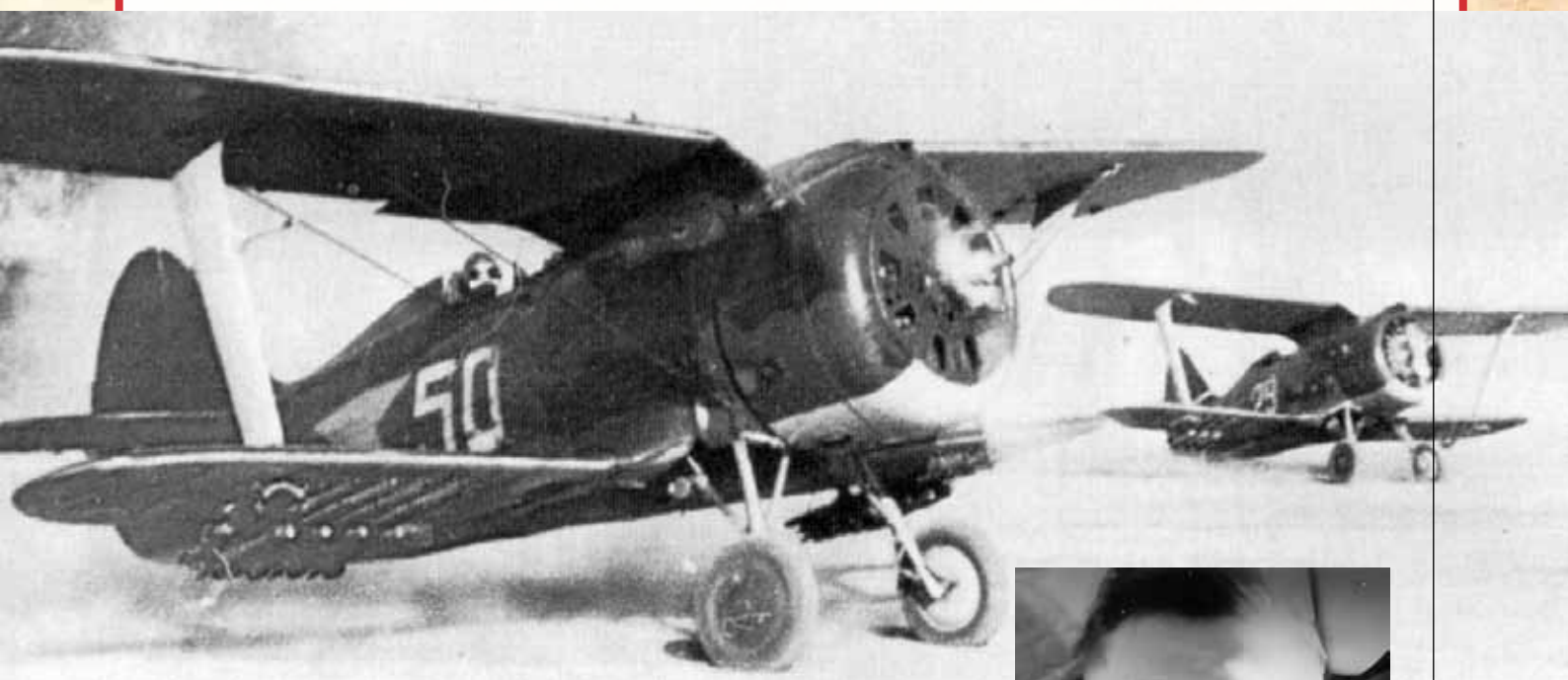
Неореализм отличало небезразличие к судьбе маленького человека. Так и здесь – нам не безразлична судьба каждого из персонажей, выдуманных в далекой Франции в первой половине XIX века, но перерожденных на грузинской земле тремя великими. Актерский ансамбль сложился, каждый на своем месте. Почерк у спектакля колоритный, грузинский, и его не спутать ни с французским, ни с итальянским. Тем более – под музыку Канчели, чистую и возвышенную, звонкую словно хрустальные колокольчики... И в конце спектакля колокольчик, имеющий сакральный смысл, отгоняющий злых духов – переходит от отца к сыну – приемственность поколений.

Данелия вспоминал о работе с Габриадзе над фильмом «Не горюй!»: «Все это время, когда мы писали, я причисляю к лучшему времени моей жизни. С нами тогда случилось волшебное – мы переселились в мир наших героев. Хотя в основе была вещь о средневековой Франции. Почти все переписали. Резо называл это «волейбол». Играем, пишем, и мысль летает: пас, обратный пас, пас, обратный пас. Так мы всегда работали вдвоем... На одной волне мировоззрения подходим к героям. Оба любим, чтобы все было рассказано с юмором. Незатейливым, не таким, когда кто-то кого-то по голове огрел большим молотком».

Грибоедовцы подарили нам свою сценическую версию, и у нее свое большое будущее – гастрольные поездки, фестивали, свой зритель...

Спектакль – о любви, дружбе, чести, молодости, поиске жизненного пути – выстроен на полутонах, на игре света и тени, на всевозможных оттенках жизни. Мало кто останется равнодушным после этого спектакля. Каждый найдет что-то свое, свою мелодию, интонацию, ноту радости и светлой грусти.

Вы еще спрашиваете, зачем люди спешат в театр?!

Самолет И-153 с ракетами РС-82 капитана А.Г. Батурина

ТРИЖДЫ ВОСКРЕСШИЙ

В фильме Марлена Хуциева «Мне двадцать лет» есть сцена: встреча главного героя с погибшим отцом.

- Я думал, ты старше...
- Мы были такие, как вы...
- Я хотел бы тогда идти рядом...
- Не надо...
- А что надо?
- Жить...
- Да. А как?

Но каким может быть ответ отца, который погиб в двадцать один, а сыну уже двадцать три?!

Жить, верить, мечтать и... летать.

Юным был и герой нашей публикации. Он любил жизнь, верил в светлое далеко и... умел летать. Но завтра была война... И он выполнял свой долг, делал то, что умел делать. Жизнь так хрупка...

Будем жить – грустить и радоваться, плакать и смеяться. И верить, чтоб завтра... не была война. И тогда полетят журавли, и над нашей маленькой планетой будет чистое небо...

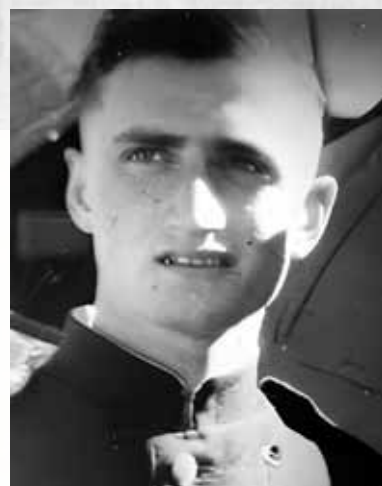
Мы продолжаем наши публикации о гражданских и военных летчиках...

■ Юрий ЗВЯГИН

В «Истории Грузии» упоминается фамилия сержанта морской авиации Михаила Мачабели, летчика-истребителя, аса, мужественно сражавшегося в боях против фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны.

Но прежде чем его имя попало на страницы книги, летчик трижды погиб и трижды воскрес. Вот как это было.

Начинал Миша Мачабели, как и большинство летчиков: аэроклуб, военное училище, полк. 71-й истребительный авиационный полк, впоследствии – 10-й гвардейский истребительный Краснознаменный авиационный полк. Привел его в часть Герой Советского Союза капитан Абрамов. Знакомились они по этикету военного времени. Капитан Абрамов прилетел в учебный

Михаил Мачабели

полк, где молодые летчики-истребители проходили «боевое применение»: стреляли по конусу, отрабатывали элементы воздушного боя.

– Ну, посмотрим, чему вас тут научили, – сказал капитан.

Отобрал Абрамов четверых парней, а после обеда начал экзаменовывать сержанта Мачабели.

– Полетели, – рассказывает Миша. – Начали виражи. И я ему наломал хвоста! Зашел, значит, командиру в хвост. Ну, думаю, будет мне! Сели. Он стал распределять летчиков по звеньям, а меня взял ведомым к себе.

Сразу же после экзамена в воздухе увел командир молодых летчиков в полк под Новую Ладугу, к самой линии фронта. Живут двадцатилетние истребители на аэродроме, смотрят, как улетаю на задания их боевые товарищи, а сами знают дорогу только в столовую. Но не идет кусок в горло. Куда ни помотришь, бо-

Александр Батури

евые листки: такой-то сегодня сбил «Мессершмитт», такой-то – «Хейнкель». Измучились ребята. Не вытерпел Миша, подошел к командиру, спрашивает:

– Когда же меня на войну возьмете?

– Ладно, – отвечает Абрамов, – завтра пойдешь со мной ведомым. Только стрелять запрещаю.

– Думаю: что же это за война! – рассказывает Михаил. – Но, честно скажу, когда пошли на сопровождение штурмовиков, я в этом первом боевом вылете, кроме хвоста командира, ничего не видел.

Шло время, мужала молодежь, росло боевое мастерство Мачабели. Тридцать боевых вылетов сделал он вместе с гвардии капитаном Абрамовым, летал в паре с командиром полка Королевым. А когда у Героя Советского Союза Александра Батурина ранило ведомого, он попросил себе ведомым Михаила Мачабели.

11 февраля 1943 года вылетели сопровождать штурмовиков в район Шлиссельбурга. Мачабели летел в паре с Александром Батуриным Откуда ни возьмись – три четверки «Фокке-Вульф». Завязался бой. Командир и его ведомый с первых же очередей сбили по одному самолету противника. Вдруг один вышел в атаку на Батурина, метров семьдесят дистанции между ними.

– Саша! – только и успел крикнуть Мачабели и тут же увидел, как от фашистской машины метнулась в сторону командира огненная трасса. Михаил резко прибавил газ и бросил свой самолет со скольжением под огонь противника. Весь удар принял на себя, чтобы спасти команди-

ра. Немец буквально изрешетил его машину, досталось и пилоту. Кровь залила левый глаз, осколки впились в голову.

– Но машина тянет, – рассказывает Михаил, – слушается меня. А раз так, нужно лететь. Когда проходил соседний аэродром, вижу, машут руками, дескать, садись, не дури. А зачем? Я пришел на свой аэродром, сел, правда, с ходу, поперек старта. Машину повело на пробежке в сторону, это потому, что я одним глазом только видел... Меня на носилки, и только оттащили в сторону, сел Саша. Подошел ко мне, говорит:

– Зачем ты это, брат, сделал? И заплакал.

А на следующий день Батури писал жене: «Милая моя Нинуся! Позавчера был у меня случай: мы в пятером вели бой с восемнадцатью фашистами. Меня чуть не сбили, но летчик Мачабели, заметив, как по мне стреляют, подставил свой самолет под огонь. Сам был ранен и пришел на аэродром. Вот какие у нас летчики!..»

Отвезли Михаила в Ленинград, в госпиталь. Оттуда он сбежал. Как был в полосатой больничной пижаме, так и удрал. Через несколько часов появился в городе, где в то время стояла его часть. Мише обрадовались. «Сбежал – и молодец! В воздухе работы по горло». Снова начались боевые горячие будни, летал он днем и ночью. Бывало, что за один вылет сбивал по два стервятника.

Вскоре в одной из фронтовых газет были опубликованы стихи. Форма их далека от совершенства, но характер героя выражен весьма определенно.

Он молод, и еще усы
Его украсить не успели,
Но знают уж фашисты-псы,
На что способен Мачабели.
И как тверда его рука,
Когда идет он прямо к цели,
Как бьет врага наверняка
Отважный сокол Мачабели.

А 4 апреля 1944 года друзья, вернувшись с задания, справили фронтовые поминки по погибшему в бою гвардии лейтенанту Михаилу Мачабели. Выпили по стопке и помолчали, скинув на минуту шлемофоны.

Александр Батури послал

домой письмо: «Милая Нинок! О себе писать нечего, посылаю вырезку из газеты. Что в ней рассказывается, было 2-го числа, а вчера, то есть пятого, я только опомнился немного. Дело в том, что 4 апреля я с Мишей Мачабели вел бой против шестнадцати «Фокке-Вульфов». Мы сбили два самолета, но в этом бою погиб мой лучший летчик и друг Миша Мачабели. Сам я тоже ранен в голову и на подбитой машине дотянул домой...»

А он, Мишка, взял да и вернулся через год в свою гвардейскую часть. Израненный, с едва залеченным позвоночником, но

Владимир Абрамов

такой же неугомонный и злой в бою. Тогда друзья и узнали, что ему удалось посадить горевшую машину. Но едва он попытался выбраться из кабины, как тут же потерял сознание: при посадке на пни пострадал позвоночник. Очнулся в немецком лазарете. Как-то ночью к нему подполз незнакомец и шепотом рассказал, что он с группой партизан видел, как сбили машину, как потом вытащил летчика из горящего истребителя и как затем их окружили фашисты и взяли троих в плен.

Три месяца и двадцать семь дней провалялся на нарах с изуродованным позвоночником и парализованными ногами Михаил Мачабели. А потом пришла Красная Армия, освободила пленных. Летчика семь месяцев упорно лечили в лучших госпиталях. И снова война. День Победы он встречал вместе со своими боевыми друзьями, поднимая бокалы за мир, за завоеванное

И-15бис из состава 71-го истребительного авиационного полка

кровью счастье. И в голову не приходило летчику-гвардейцу, что когда-нибудь ему придется пожалеть о своем воскрешении. Нет, его не ставили к стенке, не бросали в тюрьму, не требовали признания в предательстве, в измене Родине. Напротив. Говорили с ним вежливо, он был волен распоряжаться своим временем, мог ходить в театры, к знакомым. Но, оставаясь живым, он дважды был вычеркнут из списков личного состава авиации.

Вернувшись после плена и госпиталю в часть, офицер-гвардеец тотчас возбудил ходатайство о выдаче ему партийного билета, так как старый партбилет был с ним в бою и исчез в фашистском лагере. Шесть комиссий прошёл фронтовик, и на последней, флотской, ему был задан одним полковником весьма каверзный по тем временам вопрос:

– Когда вас подожгли в воздухе, почему вы не направили самолет в море или не разбились о землю, а сдались в плен?

Михаил Мачабели отвечал:

– Я не сдавался в плен, меня взяли в бессознательном состоянии. А не разбился я потому, что хотел жить и воевать.

Понятно, что аргументы для таких «ортодоксов», как тот полковник, весьма слабые. Совершенно определенно можно предположить, что не быть Михаилу в партии, если бы не светлая совесть председателя флотской комиссии и большинства ее членов. Они поверили летчику, и ему был вручен партийный билет, взамен полученного еще в мае 1943-го.

Но в 1946 году летчика увольняют из армии. Почему? Он точно не знал. Никто ему и другим уволенным истинных причин тог-

да не раскрыл. Но все они как-то выяснили официальную точку зрения: бывший военнопленный не место за штурвалом боевого самолета...

И вот он в Тбилиси. Молодой, без погон. И хотя в душе был крепко обижен, но молчал. Прошел месяц, два, отставник направился в управление Гражданского воздушного флота.

– Дайте работу. Я летчик и больше ничего делать не умею.

Посмотрели его анкету, и на слове «плен» лица кадровников стали кислыми. Они-то уж точно знали инструкции – кому можно доверять, а кому нельзя. Мачабели – нельзя.

Но все-таки нашлись люди, которые сказали: «Можно!» И посадили его за штурвал ПО-2. Маленький самолет, смешной. Но главным для Михаила было – летать. И снова воскрес летчик. Летал над виноградниками Грузии, над колхозными полями Краснодарского края, возил удобрения, химикаты. Отлично работал человек, хвалили его. Но вдруг прибыла специальная комиссия и зарылась в анкеты. Прочла и ужаснулась.

– Мачабели летает вблизи границы?! Немедленно уволить.

И снова отобрали у летчика штурвал. Тогда-то он и вспомнил слова полковника на флотской комиссии: «Почему не врезался в землю?»

Это был 1948 год. Летчика-истребителя, орденосца, фронтовика, коммуниста послали пожарным на небольшой завод-дишко. Гвардеец честно выполнял свои обязанности, а ночами писал рапорты с требованием пустить в небо.

Пришел однажды на аэродром. «Хлопцы, отвезите в Мо-

ску!» Хлопцы отвезли. Михаил вернулся ни с чем. Снова стал атаковать местное управление гражданского воздушного флота, снова писать письма. И опять нашел людей, которые придумали, как воскресить летчика.

– Будешь летать в Сибири?

– Буду, где прикажете. Сибирь – тоже наша земля.

И поехал Михаил с женой-ростовчанкой в тайгу. Сына оставил у тещи. Снял в городке комнатушку и стал летать. С глубокой обидой в сердце, оскорбленный и униженный, он летал в сорокаградусные морозы, отлично выполняя все задания. Верил, потому что рядом с собой видел людей, которые делали все ради торжества справедливости.

Михаил Мачабели завершил свою летную службу в 1959 году в Тбилиси, работал дежурным по аэродрому. Летать не позволяли старые раны.

В 1963 году его разыскали фронтовые друзья и пригласили на день Победы в Ленинград. Тогда же отмечали они и 20-летие освобождения города от блокады. Увидел его на балу генерал-полковник Самохин, бывший командующий авиационным соединением, и говорит:

– Подожди, не называй своей фамилии... Сейчас сам вспомню... Ты спас Батурина жизнь. Ты – Мачабели. Верно?

– Верно, товарищ генерал...

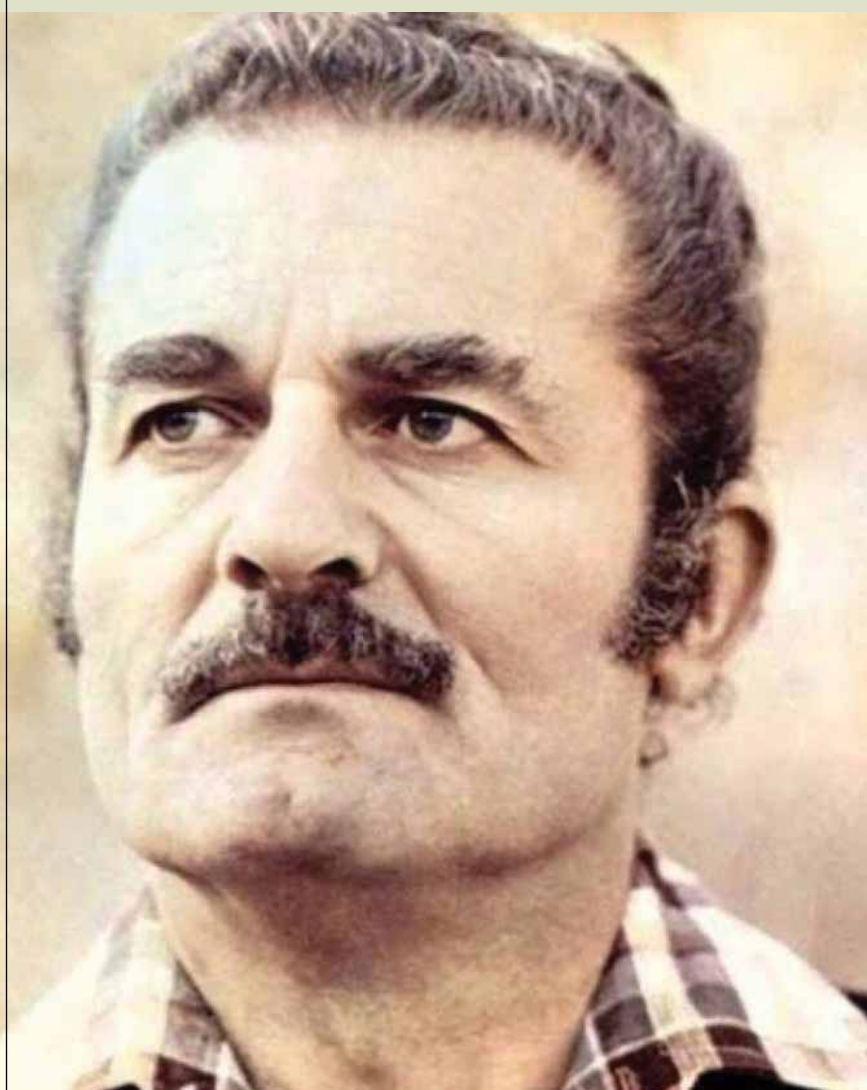
Встретил он там и Сашу Батурина, и первого своего командира, генерал-майора Абрамова. Разговорам конца не было. Вспоминали боевые эпизоды, и кто бы ни рассказывал, все слышалось: «Мишка прикрыл, Мишка сбил...»

На следующий день генерал-полковник Самохин пригласил к себе гвардии старшего лейтенанта в отставке Михаила Мачабели и вручил официальное свидетельство его боевых подвигов. Это стало его третьим воскрешением – возвращением из забвения.

И всем были понятны слезы и слова бывшего летчика, когда он говорил:

– Я всегда верил, что хорошее у нас не забывают...

По материалам сборника очерков «Искры не остывают»

КРОТКИЙ ЧЕЛОВЕК С БОЖЕСТВЕННЫМ ГОЛОСОМ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

В 2023 году, 20 июня, культовому певцу Гамлету Гонашвили, «грузинскому соловью», как его называли почитатели уникального голоса, могло бы исполниться 95 лет. Я родилась в 1985-ом, в том году, когда Гонашвили не стало. Но однажды мне посчастливилось побеседовать с его супругой и даже побывать в их доме. В тот день и родилась моя огромная любовь к творчеству этого исполнителя с божественным голосом

«Услышать грузинское пение и умереть», – говорил один из крупнейших русских композиторов XX века Игорь Стравинский. Речь, конечно же, шла о полифонии Грузии, изысканном многоголосии, бесспорным мастером которого можно считать и нашего гения песни – Гамлета Гонашвили.

Он родился в 1928 году не-

далеко от Сигнахи, в маленьком винодельческом селе Анага. Отец его был учителем литературы, обожал творчество Уильяма Шекспира, поэтому и назвал дочь Джульеттой, а сына – Гамлетом. С детства мальчик рос, впитывая, как губка, богатые грузинские традиции, в особенности – традиции исполнительского искусства.

Сначала Гамлет учился в Цхинвали, в Педагогическом институте на факультете биологии. Судя по всему, это было данью уважения любимым родителям-педагогам. Но свою мечту – стать певцом – он не скрывал. И вскоре подался в Тбилиси, где начал обучаться в Центральной музыкальной школе им. З. Палиашвили на кафедре хорового дирижирования. Именно в хоре, при исполнении народных песен, душа Гамлета пела. И это уникальное виртуозное пение, этот величественный голос были настолько красивы, что признание не заставило себя ждать: в 25-летнем возрасте Гамлет Гонашвили становится солистом грузинского Государственного ансамбля песни и танца, а вскоре – и ведущим солистом. Хотя в то же время он поступил в Тбилисский театральный институт. Но даже там, на сцене, Гамлет все время пел, поэтому ректор Михаил Квеселава посоветовал ему целиком и полностью посвятить себя певческому искусству.

Так и произошло: в Государственном ансамбле песни и танца Г. Гонашвили пел до 1969 года. А когда ему исполнился 41 год, певец стал солистом Государственного вокального ансамбля «Рустави». Именно там могучий талант исполнителя был оценен в полной мере, а его тенор с бархатым тембром раскрылся в полной красе. Другом и коллегой Гамлета в этом известном коллективе стал Анзор Эркомаишвили, художественный руководитель ансамбля, в котором Г. Гонашвили пел целых шестнадцать лет, вплоть до своей безвременной кончины.

Репертуар ансамбля «Рустави» включал в себя народные грузинские песни со всех краев Грузии. И Гонашвили одинаково прекрасно исполнял кахетинские, картлийские, мегрельские, имеретинские и абхазские песни, а также произведения грузинских композиторов-классиков. Бесспорно, он сыграл ключевую роль в становлении и популяризации этого самобытного ансамбля. Самого же Гамлета вскоре прозвали «грузинским соловьем» и «голосом Грузии».

Сколько легенд ходило о его голосе! Его называли особенным и неповторимым. Слушателей

пленил мягкий тембр, виртуозная техника исполнения, легкость и чистота звучания. При этом у Гонашвили были яркая, артистичная внешность, большая харизма и утонченная манера пения. Все это вкупе с природной скромностью приводило в восторг как грузинскую, так и зарубежную аудиторию. Небывалый успех ждал Гамлета и «Рустави» во Франции и Испании. Вскоре он объездил вместе с ансамблем почти весь мир и никого не оставил равнодушными своим пением, в том числе и профессиональных музыкантов.

Творчество Гонашвили представляло собой уникальный синтез грузинского музыкального фольклора и классической музыки. Он обладал несравненным умением артикулировать мелодию, что очень хорошо использовал композитор Якоб Бобохидзе, когда адаптировал к голосу Гонашвили некоторые из своих песенных шедевров.

Каково это было – стать второй половинкой такого гениального человека, как Гамлет Гонашвили? Это чувство довелось испытать избраннице «грузинского соловья» – Ламаре Цинцабадзе.

Они встретились на застолье: Ламару позвала на свой день рождения сотрудница, «по совместительству» – кузина Гамлета Гонашвили. На торжество пришел и Гамлет. Их посадили

друг против друга. Гонашвили в этот вечер, естественно, пел. Тогда же между ними и зародилась первая симпатия. Хотя они были не такими уж молодыми: когда пара поженилась, Гамлету было 44, Ламаре – 39.

Казалось, супруги очень разные. Ламара – кандидат технических наук, специалист по чаю, Гамлет – певец, солист ансам-

Ансамбль «Рустави»

бля. Но их объединяла горячая любовь к поэзии и – друг к другу. Однажды Анзор Эркомаишвили в шутку спросил Ламару: «Что это за талисман у тебя такой, что Гамлет даже не смотрит на других женщин?»

«Знаете, а я ведь никогда не ревновала его, – рассказывала журналистам Ламара. – Это даже не приходило мне в голову. Когда Гамлет возвращался с концертов, он никогда не делился впечатлениями. Но всегда отгибал лацкан пиджака и вынимал из внутреннего кармана розу или гвоздику и преподносил ее мне. Это из тех цветов, что мне подарили на выступлении, говорил он».

У Гамлета и Ламары родилось двое сыновей – Георгий и Димитрий (Дито). Когда певца не стало, Георгию было десять лет, Дито – двенадцать. По словам супруги, Гамлет был удивительно внимательным отцом. Несмотря на то, что ему часто приходилось бывать на гастролях, известный исполнитель всячески участвовал в воспитании своих детей. «Для меня отец был всем, – вспоминает старший сын Гамлета, Дито. – Особенно – другом. И все истории, которые связаны с отцом, для меня особенные. Он

С супругой Ламарой Цинцабадзе

был не только феноменальным певцом, но и необычайно образованным человеком. Мог часами говорить о любой крепости, кусте или даже цветке. Я очень любил путешествовать с отцом, потому что с его рассказами даже самая тяжелая дорога казалась легкой. Он знал множество интересных историй. Все мы знаем предание о Сурамской крепости, но он так проникновенно о ней рассказывал, что ты словно бы переносился в ту эпоху».

«Когда я родился, папа уже был легендой, — говорит Георгий. — Но понять этого в детстве я, разумеется, не мог. Для меня он был таким же лучшим отцом, как и каждый отец для каждого сына. И не потому, что у него был необычный тембр голоса. То, что он легенда, я понял позже, когда вырос, полюбил пение и стал солистом ансамбля «Мартве». Однажды я словно заново услышал пение моего отца. И понял, насколько это прекрасно».

За два года до кончины, во время репетиции в Филармонии, прямо перед Гамлетом обрушилась огромная металлическая конструкция. Певец был на волоске от смерти.

А буквально за десять дней до гибели, в июле 1985-го, он, словно что-то предчувствуя, неожиданно захотел взять жену с сыновьями на гастроли в Ленинград. Вернувшись в Тбилиси, Гамлет собрался на концерт в Кахети. Но вдруг почувствовал себя неважно. Оказалось — аппендицит. Врачи настаивали на операции. «Я не могу сейчас делать операцию. Без меня концерт не состоится», — упрямо сказал Гамлет. Знакомый хи-

рург успокоил Ламару: «Отпусти мужа. Телави недалеко. Если случится приступ, там же и прооперируете».

Дома за ужином Гамлет обычно выпивал стаканчик другой вина. За столом супруги рассказывали друг другу, как прошел день, говорили о детях. Вечером, накануне отъезда, Гамлет предложил выпить вина и Ламаре. «Вино не хочу, а вот шампанское с удовольствием выпила бы», — сказала жена. «Эх, что за жизнь, жена хочет шампанское, а у меня его нет», — с какой-то грустью тогда сказал Гамлет...

На следующий день он уехал на злополучный концерт. А Ламара, проводив мужа, пошла в магазин, купила шампанское, поставила его в холодильник, приготовила вкусный обед и в заботах по дому дожидалась мужа. Вечерело. Ламара все выглядывала в окно, но Гамлет не появлялся. Тогда она позвонила другу и коллеге Гамлета, Тариэлу Онашвили. «Гамлет из Телави поехал в родную Анагу. Сказал, его там ждут гости», — сказал тот.

А через несколько минут зазвонил телефон: «Алло, это квартира Гонашвили? Гамлету плохо. Он просит вас приехать». Чертов аппендицит, подумала Ламара. И, позвав с собой друзей, сразу поехала на помощь к мужу. По дороге почему-то засмотрелась на цветущие деревья. Гамлет всегда привозил ей фрукты, аккуратно собранные с деревьев. «Какие фрукты сейчас поспели в Кахети», — с болью сказала она друзьям. И подумала про себя: «Он, навер-

ное, забрался на дерево, чтобы собрать для меня фруктов, и упал...».

Ворота родного дома в Анаге были распахнуты. Во дворе толпились люди. Сердце Ламары оборвалось. Она до конца думала, что это проклятый аппендикс. Но, оказалось, соседи попросили Гамлета срезать ветви дерева, закрывающие их дом от солнца. Это была яблоня. Гамлет залез на нее и сорвался... А под деревом стоял старый пень, к которому привязывали домашний скот. И ведь

Памятник Гамлету Гонашвили в Шекветили

сколько раз говорили, что давно пора выкорчевать его...

Гамлету Гонашвили было всего 57 лет. Он ушел в зените своей славы.

Его похоронили на обычном кладбище в тбилисском районе Сабуртало, но впоследствии прах был перенесен в Дидубийский пантеон, где покоятся выдающиеся грузинские писатели, артисты, ученые, национальные герои и общественные деятели.

Так закончилась жизнь Гамлета Гонашвили — кроткого человека с божественным голосом. Как сказал знаменитый оперный певец Зураб Анджпаридзе: «От нас ушел человек, чья душа и голос согревали, как солнце. Он был рядом с нами, пел, и все мы пели вместе с ним, но никто никогда не разгадает тайну тембра и чудо звучания его голоса».

СОЗЕРЦАНИЕ ЧУДА

■ Нодар НИКУРАДЗЕ

С Кети Мелкадзе мы познакомились в ноябре 2018 года в московской Галерее современного искусства «ARTSTORY», на ее персональной выставке.

В то время я жил неподалеку от галереи и заходил туда довольно часто. Однажды знакомая куратор сказала, что у них открывается выставка моей землячки, и пригласила на вернисаж.

В день открытия я пришел пораньше, стал рассматривать работы, и они просто поразили меня своей необычностью и, главное, глубиной. Потрясенный, я вышел на двор подышать воздухом и увидел даму кавказской внешности, которая курила сигарету. Я рискнул спросить: «Вы Кети Мелкадзе?» – «Да». – «А вы знаете, что вы гениальны?» – «Иногда мне такое говорят».

А на открытии присутствовали академик Манана Попова,

дирижер Владимир Спиваков, писатель-сатирик Михаил Жванецкий и многие другие выдающиеся деятели. Их отзывы были благодарными и восторженными. «Удивительная, отличная выставка!» – сказал кардиохирург, знаток и коллекционер живописи Михаил Алшибая. Вице-президент РАХ Андрей Золотов отметил, что это новое слово в искусстве и что работы Кети Мелкадзе нельзя назвать произведениями, каждая – отдельное сочинение. Первый вице-президент Российской академии художеств Виктор Калинин признался, что после увиденного ему хочется разучиться всему, что он умеет, и подчеркнул: «Эти вроде бы пустоты, которые внутри скульптурных объектов, наполнены каким-то очень сокровенным смыслом. Как ей это удастся? Это какое-то чудо, которое нам Кети Мелкадзе предоставила созерцать». Лучшее не скажешь.

С тех пор я стал и по сей день остаюсь преданным поклонником творчества Кети Мелкадзе.

– Кети, вы начали свою творческую деятельность не так давно. Расскажите, пожалуйста, о себе.

– Я родилась в типичной тбилисской интеллигентной семье. Отец был технологом, мама – специалист по немецкому языку и литературе, профессор, преподавала в Тбилисском государственном университете 45 лет, сейчас на заслуженном отдыхе. Я по образованию филолог, окончила этот же университет. Никогда прежде не учась рисованию, профессионально никак не соприкасаясь с искусством, около семи лет назад я впервые взяла в руки металлическую сетку и начала делать скульптуры, доверяя своей фантазии. Сейчас совмещаю скульптурные объекты с живописью или рисунками мелом. Я пыталась найти информацию, работает ли кто-либо еще в подобном жанре. Но ничего не нашла.

– Мне тоже ни разу не встречалось ничего похожего. Кети, сразу после той выставки в Москве вас пригласили в Индию...

Кети Мелкадзе

лать одна. Может, потому что в семье была единственным ребенком. Меня и сейчас приглашают на совместные выставки, но я отказываюсь. У меня набралось очень много работ, и чтобы их показать, мне нужен большой простор. Поэтому сейчас я соглашусь только на персональную выставку.

– Некоторые ваши работы с первого взгляда кажутся простыми. Но затем, когда начинаешь погружаться в них, вникать, то смысл и философия потрясают. Взять к примеру картину, на которой изображены луна на темном фоне, стакан воды на столе и сорванный подсолнух. Начинаешь всматриваться, и кажется, что подсолнух с досадой и отчаянием смотрит на стакан с водой – символ жизни, который ему уже не поможет, и он скоро завянет. А над ними – луна, на которой вообще нет жизни. Вот и глубокий смысл картины – единство Жизни и Смерти. Эта работа, как и многие другие, – без названия, и, мне кажется, это оправданно. Ведь название – как подсказка. А когда ее нет, то зритель сам начинает додумывать, осознать.

– Да, вы правы. Я считаю, что произведения искусства должны задевать душу человека. Склонять его к размышлениям. Дарить надежду, наслаждение.

– Не совсем так. Еще за год до московской выставки в Тбилиси приехал меценат и владелец галереи из Гоа. Мы познакомились. Ему очень понравились мои работы. Когда я вернулась из Москвы, он пригласил меня с коллегой (она график) в свою галерею – работать и выставляться. Я пробыла там полтора месяца. Хорошо поработала. Галерею посещали многочисленные зрители и корреспонденты, писали хвалебные отзывы в местной прессе. Но выставка была совместной – в ней принимали участие несколько художников, а я не люблю такие выставки. Не потому что я лучше других, нет! Просто я по жизни такая. К примеру, если бы я была спортсменкой, то не баскетболисткой или волейболисткой, а теннисисткой. Если я что-то делаю, то хочу де-

С Владимиром Спиваковым

«Пехановской Марины нет, но ведь есть я!»

Искусство призвано давать, а не отнимать. Для меня нет произведений искусства современности или прошлого. Они едины и цель у них одна. Мне очень нравятся скульптуры Микеланджело, особенно, его «Ватиканская Пьета» – скорбный образ Марии, оплакивающей снятого с креста Христа. Она так меня впечатляет даже на фото, что аж плохо становится. Я не представляю, что со мной будет, если ее увижу воочию в Ватикане.

– Ваши работы хранятся во многих музеях, галереях и частных коллекциях. Одна украшает дом-музей Смирновых в Тбилиси.

– Напомню, что Александра Смирнова-Россет была фрейлиной русского императорского двора. Дружила с Пушкиным, Гоголем, Жуковским, Лермонтовым. Ее сын, Михаил Смирнов, выдающийся ботаник и этнограф, женился на дочери купца Михаила Тамамшева – Елизавете. Тбилисский дом на улице Галактиона Табидзе Лиза Тамамшева получила в приданое. И Михаил, после смерти

матери, перевез из Петербурга в Тбилиси предметы обстановки знаменитого салона Смирновой-Россет и продолжил его традиции. В этом доме проходили литературные и музыкальные вечера, здесь бывали Петр Чайковский, Иван Айвазовский, Антон Рубинштейн, Евгений Лансере, Илья Чавчавадзе, Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе. Правнук Александры, Михаил Григорьевич Смирнов, последний представитель семьи, свой дом и собранные там уникальные реликвии завещал Грузии. В знак моей глубокой признательности потомкам Смирновых я подарила музею скульптуру Смирновой-Россет из металлической сетки. Кстати, на скульптуре та самая одежда, которую Александра носила в жизни.

– Большая ваша работа выставлена Владимиром Спиваковым над входом в театральный зал Московского международного дома музыки.

– Я очень уважаю Владимира Теодоровича. Помимо этой работы, лично для него я сделала скульптуру в виде футляра скрипки и боксерских перчаток. Дело в том, что если я кому-то собираюсь сделать подарок, то предварительно стараюсь получить побольше информации об этом человеке. Так вот, я узнала, что в детстве, когда Спиваков учился игре на скрипке, мальчишки во дворе издевались над ним, дразнили. Он записался в секцию бокса. Настал момент, и он дал достойный ответ тем, кто к нему приставал. После чего его зауважали. Так что, когда я вручила Спивакову мой подарок, он и удивился, и обрадовался. Подарок моему любимому оперному певцу Хосе Каррерасу тоже был со смыслом. Я узнала, что он очень любит свой город Барселону, является большим любителем футбола и болеет за клуб «Барселона». Поэтому я для него сделала ящерицу Антонио Гауди (символ Барселоны), опирающуюся лапкой на футбольный мяч. Каррерас все понял и очень благодарил. Вообще я делаю скульптурные подарки только для тех, кого люблю и уважаю. Для остальных, даже за большие деньги, сделать не

смогу.

– С вашего разрешения, я расскажу небольшую историю. Самый разгар пандемии, три года назад, застал меня с супругой в Москве. Правила самоизоляции для нашей возрастной группы, были очень строгие, вплоть до высоких штрафов. Мы сидим дома. Не выходим на улицу месяц, другой. Настроение ужасное. И вот я открываю планшет и вижу ваш юмористический пост – вы вспоминали о том, что в Тбилиси почти в каждом районе были очень колоритные, не совсем нормальные, но доброжелательные персонажи. Свою заметку вы закончили словами: «Не понимаю: или мы очень поумнели, или теперь столько неадекватных, что мы не можем отличить их от нормальных. Не знаю. Как вы считаете? Впрочем, плехановской Марины нету, но ведь я есть!» И выложили собственную фотографию в образе не совсем адекватной дамы. Увидев этот снимок, я так захохотал, что моя жена подскочила на месте. В тот непростой период вы подняли настроение очень многим.

– Приятно слышать.

– Вы помогаете людям не только духовно, но и материально, активно занимаясь благотворительностью.

– Я не люблю говорить на эту тему. Но иногда приходится. То, что я волею судьбы взяла в руки сетку, краски, мел, карандаш, дало мне возможность говорить большему количеству людей: «Я тебя люблю!» В этом мое главное предназначение. И если несколько лет назад на мои призывы в социальных сетях помочь той или иной бедствующей семье одеждой, предметами быта, продуктами, игрушками (всем, кроме денег), откликнулись несколько десятков человек, то теперь их сотни – благодаря моей творческой деятельности обо мне узнало большее количество любителей искусства. Ко мне часто обращаются с просьбой помочь оплатить лекарства, анализы, хирургические операции. Делаю что могу. Часто выставляю на продажу свои работы с благотворительными целями. Но хочется делать гораздо больше. Поэтому у меня возникла идея создания благотворительной галереи моих работ.

Кстати, в Москве мне предлагали сделать такую галерею, но я хотела осуществить мою мечту в Грузии. И некоторое время назад такой шанс появился. У основания Уплисцихе мы нашли место для будущей галереи. Министерством культуры Грузии был утвержден проект здания и дано раз-

решение на его строительство. Я нашла спонсора, который был готов оплачивать все расходы. Естественно, здание и все мои работы сразу перешли бы в собственность государства. Единственное мое условие было таким: в течение первых пяти лет перечислять на мою благотворительную деятельность пятьдесят процентов от продажи билетов в галерею. Все было обговорено. Но не успели начаться работы, как грянула пандемия. За это время срок разрешения на строительство прошел, и необходимо было его переутвердить. К сожалению, в силу разных причин, сделать этого не смогли. А проект так и лежит у меня дома.

– *Насколько я знаю, вам сделали интересное предложение в Ереване.*

– Там проходила моя выставка. И у меня возникло желание что-то сделать для города. Безвозмездно. В течение нескольких дней все вопросы были решены. Мне предложили тему Спитакского землетрясения, выделили место для будущей скульптуры. Я сделала скульптурную композицию: дедушка и внучка, которая пытается вытащить игрушку из развалин дома. Эта композиция, покрытая специальным стеклом,

С Нодаром Никурадзе

установлена у церкви. Вообще, у меня много интересных идей, проектов. «Медея и Аргонавты» для Кутаиси, скульптура на шахматную тему для Батуми, проект для Тбилиси – 27х4 метра, посвященный наводнению 2015 года. Я готова осуществить их безвозмездно – пусть это будет моим подарком. Главное, чтобы меня обеспечили материалами и предоставили помещение для работы. Но, к сожалению, с местными

чиновниками у меня отношения как-то не налаживаются.

Впрочем, чиновники приходят и уходят, а мы остаемся. И я стараюсь сделать для своего народа что-то такое, чем он будет гордиться и восклицать: «Вот, оказывается, мы какие!» Мне не так важно, что будут говорить обо мне после меня. У меня нет детей, нет внуков. Я думаю только о своем народе.

Памятник Михаю Зичи в Тбилиси

Те имена, что ты сберег

■ **Владимир ГОЛОВИН**

В историю искусства он вошел, можно сказать, сразу в нескольких ипостасях. Наивысшая оценка его творчества – в Грузии, считающей Михая Зичи своим национальным художником. За первые в мире и одни из красивейших по сей день печатные иллюстрации к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Для России он более 30-ти лет был придворным живописцем аж у четырех императоров, академиком Императорской академии художеств. При этом, за многочисленными иллюстрациями к «Слову о полку Игореве», произведениям Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Шекспира, Дюма, Гете великий Илья Репин назвал его одним из лучших иллюстраторов России. Добавив, что «ему бы иллюстрировать да иллюстрировать, а он всякими глупостями занимается». Репин имел в виду, что в своей родной Венгрии, да и в Европе вообще, Зичи хорошо известен еще и благодаря... нежным, и в то же время веселым, откровенным до провокационности,

пикантным рисункам любовных отношений в цикле «Liebe» («Любовь»).

Родился художник в 1827 году, в имении Зала, принадлежавшем дворянской семье, которая в XVIII веке была возведена в графское достоинство. Семья его обеднела, отец умер рано, и матери пришлось одной воспитывать двух сыновей. Младший, Михай, художественное образование получил в «Первой венгерской академии живописи», основанной в Будапеште итальянцем Джакомо Марастони, затем брал частные уроки у профессора Венской академии художеств, австрийца Фердинанда Георга Вальдмюллера. Уроки настолько успешные, что молодой венгр вскоре становится самым любимым и многообещающим учеником этого известного художника.

В Швейцарии и Австрии с успехом выставляются его картины, он пишет большую икону для собора в венгерском городе Пече. Отражая при этом новые методы обучения, проповедуемые Вальдмюллером, и в полемике защищая их от при-

верженцев старых академических канонов. За это молодого человека лишают столь ожидаемой академической премии, его наставник Вальдмюллер в знак протеста покидает Академию. И вместе с Зичи отправляется в поездку по Италии. А тот решает всецело посвятить себя искусству. «Я предался своей страсти, которая вселила в меня новую жизнь, новую душу, – пишет он брату. – ... Я чувствую, что выйду из рядов посредственности только благодаря искусству, которое я не покину ни на мгновение во всю мою жизнь».

А у профессора во всех странах имеются поклонники, одна из них – российская великая княгиня Елена Павловна, супруга великого князя Михаила Павловича, брата императора Николая I. Она приглашает профессора преподавать живопись ее дочери Екатерине. Однако тот считает ниже своего достоинства быть домашним учителем даже у высококой особы. И рекомендует вместо себя своего любимца, тем более, что это – многообещающее начало для

Михай Зичи в годы учебы

успешной карьеры. Так 20-летний Зичи оказывается в Санкт-Петербурге.

Большой оклад – 1200 рублей в год, полное обеспечение, служебная квартира, заказы богатых русских клиентов.... А вот времени на самостоятельное творчество нет – педагогическая деятельность фактически приравнивается к гувернерству для общего развития не только Екатерины, но и ее сестер. Потом появляются и ученики из аристократических кругов Петербурга. Всех их Михай пытается отучить от копирования, обучить основам анатомии и зарисовкам с натуры, но от него ждут или развлечений, или выполнения заказов на «портреты» любимых собачек и на сентиментальные сценки.

Так что не проходит и года, как Зичи расстается с императорским двором. И не только из-за неудовлетворенности своим положением – вмешивается политика. В 1848-49 годах волна революций, потрясая Западную Европу, докатывается до Венгрии, которая хочет избавиться от гнета австрийской империи Габсбургов. И против повстанцев, в поддержку своего союзника – Австрии, выступает Россия. Ее армия подавляет восстание, а появление венгров

в петербургском «свете» становится не таким уж желательным.

В общем, Михай теряет много заказов и место при дворе, устраивается ретушером в ателье австрийского подданного Иосифа Венингера, который занимается дагерротипом – ранним видом фотографии. Один из современников вспоминал: «Живя в бедной, убогой каморке на заднем дворе в одной из неказистых петербургских улиц, Зичи, нравственно разбитый, озлобленный на себя и на все окружающее, разрезывал свои исторические картины, не находившие сбыта, на маленькие квадратные кусочки. Чтобы рисовать на них прекрасные типы городской жизни – типы пьяных, рабочих, фигуры полицейских, блюстителей порядка, типы, попадавшие на улице».

Но поддержка все-таки приходит. Принц Александр Гессен-Дармштадтский, брат российской императрицы Марии Александровны, который на российской службе числился генералом от кавалерии, а на австрийской – фельдмаршалом-лейтенантом, «поставляет» заказчиков. Княгини Воронцова-Дашкова, Голицына, Чернышева сами делают заказы. Так что жанровые сцены и портреты в европейском стиле приносят заработок. Вокруг Зичи даже собирается небольшая группа близких по интересам живописцев, рисовальщиков, журналистов. Потом он женится на Александре Ершовой, девушке на четыре года моложе его, из простой семьи, и они счастливы в браке.

А в 1858-м в России появляется моднейший в то время французский прозаик и поэт-романтик, критик и путешественник Теофиль Готье. Он встречается с Зичи в компаниях художников и приходит в такой восторг от него, что посвящает ему всю 14-страничную десятую главу в своей книге «Путешествие в Россию», описывает около двадцати его работ. Это – произведения романтического характера, реалистические жанровые сцены, документальные зарисовки, эскизы. Готье – друг Бальзака и Гюго, открывший миру Гойю и Курбе – сво-

ими публикациями в парижском журнале L'Artiste приносит венгрю европейскую славу, оценивая его не иначе, как гениально-го рисовальщика:

«...Зичи, как Гюстав Доре, – чудесный гений... одна из самых удивительных личностей, которые я встречал... Не то чтобы Зичи не сознавал своего таланта, но он не придавал ему должного значения. То, что он делал с легкостью, и казалось ему в действительности легким. Его несколько удивляло восхищение других при виде вещи, которая ему стоила трех-четырёх часов работы за курением и разговорами. Гениальность, если она действительно существует, в своем проявлении не заставляет себя в человеке долго ждать. Зичи же был действительно наделен ею».

Благодаря всему этому к Михаилу Александровичу, как называют Зичи на русский манер, приходит самая настоящая слава. Поднаторев на бытовых зарисовках и сохранив связи при дворе, он в 1852-1853 годах преподносит самому императору несколько юмористических рисунков, изображающих офицеров. Царю они нравятся, художнику заказывают хронику нескольких дней при дворе в Гатчине, затем – целых два аль-

Фердинанд Георг Вальдмюллер

Теофиль Готье

бома из жизни офицеров лейб-гвардии конно-пионерского дивизиона и конной гвардии.

В итоге – гонорар в 600 рублей, заказы со всех сторон. И Михай пишет матери: «Люди полюбили меня, и сейчас, когда я пишу эти строки, я – самый высокооплачиваемый акварелист в Петербурге». Но главное, что его полюбили императоры – и Николай I, и Александр II, и Александр III, и Николай II. При всех них он был «историком придворной жизни». На страницах его альбомов – превращавшиеся в картины зарисовки приемов, балов, парадов, учений, императорских семейных трапез и охоты... Картины приносят звания академика и придворного живописца, мастерскую в Новом Эрмитаже, большое жалованье, ордена, персональные выставки, курируемые членами императорской фамилии...

А вне придворной службы – портреты аристократов и графические иллюстрации на мотивы лермонтовского «Демона», пушкинских «Бахчисарайского фонтана», «Кавказского пленника», «Песни о вещем Олеге».

Прирожденный рисовальщик полностью вживается в атмосферу всеобщего увлечения графикой, с 1857 года входит в число «членов-соучастников» Общества поощрения художников, объединившего творческую молодежь из средних и низших сословий. Кроме того Зичи – завсегдатай «пятничных рисовальных вечеров», где раз в неделю, по очереди, на квартире у каждого из участников собираются молодые графики и рисовальщики.

Но вот при дворе такой образ жизни не приветствуется, и Зичи подает прошение об отставке. На это следует незамедлительный приказ Александра II: «Причисленному к Эрмитажу живописца Его Величества академика Зичи, согласно его прошению, уволить от означенной должности с января 1874 г». И летом того же года художник уезжает в Париж, записав в тетрадке: «...Уехал в немилости за границу». Следующие годы – одни из самых плодотворных для него.

Пять лет он проработал во Франции, в салоне поэтессы Жюдит Готье, дочери Теофиля Готье подружился с Доре, Гюго, Дюма-младшим, русскими и польскими художниками и эмигрантами, с представителями грузинской интеллигенции, жившими в Париже. Его выставки устраиваются в Париже, Венеции и Вене, он работает не столько в графике, сколько в крупных жанрах. В частности, пишет к парижской Всемирной выставке 1878 года огромное аллегорическое антивоенное полотно «Триумф гения разрушения». На нем мировое зло олицетворяют императоры Франц-Иосиф, Николай I, Наполеон III и Папа Римский. Из-за этого разгорается шумный скандал, который, впрочем, лишь добавляет автору популярности.

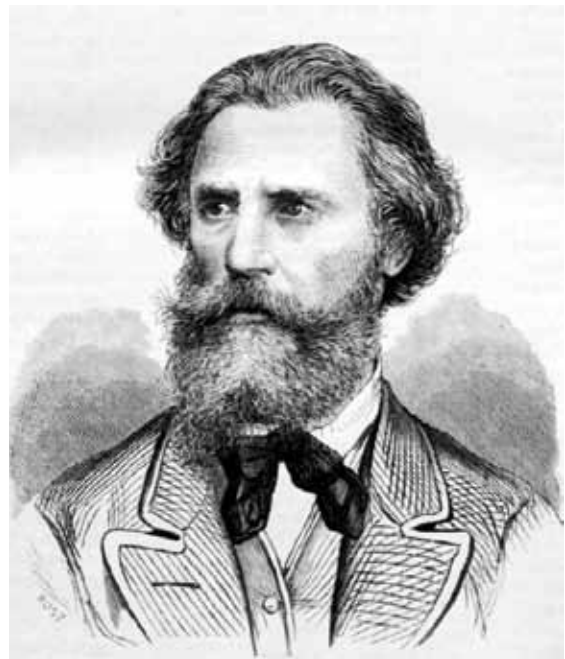
Затем художник занимается обустройством родового поместья на озере Балатон, пишет большие живописные работы, делает иллюстрации для журнала «Нива» по произведениям Лермонтова, Гончарова, Полонского, Гоголя. И понимая, что достойного заработка на родине у него не будет, возвращается в

Россию. Он – вновь при императорском дворе. Александр III с детства знал и любил его, заказов – хоть отбавляй, Зичи даже присутствует на домашних встречах и праздниках царской семьи.

. И тут, как сообщает венгерский ученый и переводчик Бела Викар, представители грузинского литературного сообщества обращаются к Александру III с необычной просьбой: «Ваше величество, у Вас есть известный художник, а у нас – известная поэма; позвольте нам свести их друг с другом. Пусть ваш великий художник останется среди нас несколько месяцев и проиллюстрирует сочинение нашего великого поэта для роскошного национального издания». По словам Викара, царь спросил у Зичи: «Хочешь ли? Я не возражаю». И тот ответил, что «с величайшей радостью исполнит желание грузинского народа».

Еще бы ему не радоваться! Кавказ – его давняя мечта, давняя заочная любовь. Еще в начале 1850-х годов, в разгар Кавказской войны, он просился туда, но ему было отказано. Тем не менее, в 1853-м вышел его альбом «Кавказские сцены» с 12-ю автолитографиями, нарисованными на камне им самим. В их основе – широко распространенные работы побывав-

Михай Зичи. Иллюстрация из журнала «Воскресные новости». 1872 г.

М. Зичи. Триумф гения разрушения

ших там художников Гагарина, Тимма. Правда, в представлении Зичи о Кавказской войне – псевдоромантические штампы: погони, блеск сабель, кровь раненых, прекрасные горянки...

И в петербургской газете «Голос» за 22 декабря 1880 года появляется статья, присланная из Тифлиса. В ней подчеркивается превосходная выразительность и типичность отдельных лиц, которые художник мог написать с натурщиков, но в целом отмечается малое знание автором кавказской жизни, указываются нелепости в изображении типов, деталей костюма. И делается вывод: «Художник должен отнестись более внимательно к своему труду и посетить хоть раз Кавказ, из жизни которого он берет свои сюжеты».

И в 1881 году Зичи наконец отправляется на Кавказ. Сначала на Северный – посещает места, где жил самый любимый им русский поэт Лермонтов, делает многочисленные зарисов-

ки в окрестностях Пятигорска и Кисловодска. Затем – Южный Кавказ, а конкретно – Грузия. Прежде, чем начать работу над иллюстрациями к «Витязю...», художник знакомится с природой, историческими памятниками, бытом и нравами грузинского народа, изучает его культуру. В Тифлисе – встреча с грузинскими друзьями, знакомыми еще по Парижу, как, например, с известным писателем, переводчиком и общественным деятелем Ионой Меунаргия.

Конечно же, Михай оказывается в известном на всю Грузию салоне своей новой приятельницы, княгини Варвары Бараташвили-Чолокашвили, которую все зовут Бабале. Салон собирает в ее тифлисском доме на Реутовской (ныне Мазниашвили) №8 близ Михайловского (Агмашенебели) проспекта литераторов и художников. Главное увлечение хозяйки салона – творчество Руставели, она помогает собирать деньги на памятник поэту и на переводы его поэмы.

Именно она – одна из инициаторов приезда Зичи в Грузию. И именно она решает поставить «живые картины», иллюстрирующие «Витязя...»

Сегодня практически никто не знает, что такое «живые картины», а в то время они были весьма популярны. Это – пантомимы или композиции, представленные людьми, позирующими в подражание известным художественным произведениям или для изображения воображаемых картин и скульптур на какую-нибудь тему. Надо ли говорить, что в этом случае такие «картины» ставятся по поэме Руставели? Зичи привлекает к постановке весь цвет тифлисской интеллигенции. Сам он – и режиссер, и художник, и декоратор: разрабатывает мизансцены, костюмы персонажей и их цветовой решение.

Выбираются те или иные отрывки из поэмы, подбираются люди, оживляющие эпизоды, а когда «собирается» вся «картина», за кулисами актер со-

Иона Меунаргия

проводит ее соответствующим текстом. Зичи вспоминал: «Во время чтения Руставели в заполненном зрителями зале восхищению не было предела. «Витязь в тигровой шкуре» является для грузин своеобразной библией». Пока зрители восхищались «живыми картинами», венгр делал с этой «натуры» зарисовки, которые потом лягут в основу книжных иллюстраций. Из его письма брату:

«Княгиня Баратова, имеющая, несмотря на свой преклонный возраст, приметную красоту, попросила меня о постановке с благотворительной целью живых картин из древнейшего грузинского уникального произведения «Витязь в тигровой шкуре». В постановке живых картин главным образом участвовали князья и княгини, в общем, вся аристократия. С их непосредственной помощью я поставил в театре живые картины, можно сказать, без репетиции. Где-то в полдень, полпервого мы начали репетицию. Действующие лица остались в театре, там же они и обедали, а в восемь часов вечера начали представление. В полночь все закончилось, но во мне дрожала каждая жилка».

Всего на цене тифлисского

театра ставятся 10 таких картин. Художник вспоминал:

«В последней картине участвовало 105 человек, а в остальных на 30-40 человек больше! Театр был переполнен зрителями, их восторгу не было предела. Между отдельными картинами, я и сам не помню, сколько раз меня приглашали на сцену. На собственном опыте убедился, как приятно, когда зритель аплодисментами просит тебя еще раз выйти на сцену... После последней картины меня вызывали на сцену бесчисленное количество раз. Звук аплодисментов не прекращался, взяли меня за руку, со сцены не отпускали, у меня закружилась голова. Оказывается, человек привыкает и к такому неловкому положению. Убегая от князей, пробрался к княгиням, но и здесь меня нашли и опять вывели к зрителям, которые восторженно рукоплескали и наполняли зал оглушительными возгласами. По очереди перещеловал руки всем стоящим рядом прекрасным княгиням; я бы расцеловал всех без исключения, если б не потратил времени на поклоны.

Толпа народа ждала меня и у входа в театр. Они бы, наверное, подхватили и понесли бы меня домой на руках, если б я не воспользовался известным методом воров и сам не начал

кричать, как другие, «Браво Зичи»... Княгиня Баратова, которая была инициатором постановки этих живых картин, подарила мне драгоценный стальной кинжал с надписью и с серебряной рукояткой – лезгинское изделие. Если кто-нибудь им [грузинам] окажет услугу, они всегда готовы отблагодарить за это чем могут. Притом, они это делают с невероятной нежным дружеским чувством. В общем, замечательный народ... В Кутаиси тоже ждут от меня постановку живых картин «Витязь в тигровой шкуре». Ведь и там замечательные люди, особенно красивые живущие там женщины...»

Такой же оглушительный успех у публики, такая же польза для зарисовок и в Кутаиси. Театральные эскизы составляют целый альбом. А позже Зичи ставит и одиннадцатую «живую картину» – уже по собственному сценарию: царица Тамар восседает на троне, а Руставели, преклонив колена, подает ей свою поэму. В отличие от остальных иллюстраций, эта работа в цвете. «Настолько прекрасны были эти картины, – восторгалась газета «Дрозба», – что врага или друга, грузина, русского, немца, татарина – всех привели в восторг». А образы из «живых картин» даже использовались при росписи некоторых парадных

Поэт Георгий Шервашидзе в роли Тариэла. «Живые картины». Кутаиси

Иллюстрация к поэме Шота Руставели

М. Зичи. Руставели передает свое творение царице Тамар

подъездов в Тифлисе.

Зичи же не ограничивается работой над иллюстрациями. Изучив сказания, древние памятники, чеканку по серебру и золоту XII века, он создает три мифологические картины из жизни Святой Нино, принесшей в Грузию христианство. Делает и зарисовки храма Баграта, Гелатского монастыря, Хертвисской и Горийской крепостей. Не может удержаться от дружеских шаржей и карикатур. Так своего друга Иону Меунаргия он изображает за переводом поэмы Руставели на французский язык.

Всего Михай Зичи пробыл в Грузии почти полтора года. Он не только увез наброски для работы над книгой, но и попросил перевести на французский язык те места в тексте, которые эти наброски должны иллюстрировать – чтобы лучше прочувствовать дух поэмы. По предложению Ильи Чавчавадзе, эти переводы сделал Иона Меунаргия, уложившись в очень короткое время. И в 1885-м художник присылает в Тифлис эскизы иллюстраций, приложив к ним такое письмо:

«Я посылаю вам не 12, а 34

эскиза для выбора. Обратите, что надо отметить, пронумеруйте и срочно вышлите обратно, чтобы я смог быстро закончить эту работу... Буду очень рад, если сумею оправдать ваши надежды... Я, со своей стороны, издам не только 34 рисунка, но, может, добавлю и другие и отпечатаю для Западной Европы маленький фотографический альбом. Этим имя и слава грузинского поэта Руставели распространятся более широко. В заключение прошу отнестись к моим рисункам так, как грузины относятся к невинной женщине – нежно и бережно».

Для включения в книгу выбираются 27 иллюстраций, клише для них делают в венской художественной мастерской «Ангелер и Гешль», Зичи лично контролирует, как цветные изображения печатают в Лейпциге, а остальные – в Петербурге. В окончательном виде иллюстрации он отправляет в Тифлис в 1887-м. Через год «Витязь» издается на грузинском языке, а потом художник второй раз приезжает в Грузию и преподносит издателям альбом оригиналов иллюстраций поэмы с надписью: «В знак моей симпатии и сердечной преданности грузинскому народу. Зичи. С. Петербург 10 марта 1889».

Да и после этого связь венгра с Грузией не прерывается. В Тифлисе в 1891 году издается лермонтовский «Демон» с пятью гравюрами с рисунков Зичи. А на берегах Невы Зичи помогает организовывать традиционные грузинские благотворительные балы в пользу нуждающихся петербургских студентов-грузин. Не отказывает себе в удовольствии ставить «живые картины» эпизодов из поэмы Руставели, добивается, чтобы эта поэма была переведена на венгерский. Вспоминает переводчик Бела Викар:

«Зичи познакомил меня с содержанием поэмы и рассказал, как он работал над иллюстрациями этого классического произведения, которое до этого не было иллюстрировано. «Переведи», – сказал мне Зичи... Я начал изучение грузинского языка. Но, к сожалению, скоро убедился, что не смог бы из-

учить этот, один из труднейших языков мира, до такой степени, чтобы мне удалось передать самого великого мастера этого языка. Для преодоления этой трудности, я решил найти помощника с родины самого Руставели, и мне это удалось. Это был Георгий Циклаури – молодой поэт, владеющий несколькими языками, который мог выполнить возложенную на него задачу... Переводя стихами, я старался максимально точно передать содержание. Во время перевода я убедился, что Зичи был прав: «Всякая литература в Европе должна в самом деле считать «своей» «Витязя в

Бюст М. Зичи на острове Маргит в Будапеште

тигровой шкуре»...

В 1937 году именно рисунки Зичи вошли в юбилейное московское издание поэмы...

Сегодня в мире не так-то много памятников художникам. А вот Михаю Зичи посвящены два памятника. Бюст на острове Маргит в Будапеште и статуя в полный рост в центре Тбилиси. Поистине, «если кто-нибудь грузинам окажет услугу, они всегда готовы отблагодарить за это чем могут»!

Анна Бердичевская. Фото Юрия Мечитова

ПОСВЯЩЕНИЯ

■ Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

В 1984 году неожиданно я переехала с маленькой дочкой из Перми в Тбилиси. Мне было 36 лет, все близкие остались в Перми, в столицу Грузии я приехала с небольшим чемоданом и единственным номером телефона, который мне в блокнот написала студентка Пермского университета родом из Кварели. Она знала, что я сочиняю стихи и посоветовала по приезду в Тбилиси показать их редактору «Литературной Грузии». Журнал этот был знаменит в СССР, его читали, любили, подписывались на него во всех советских республиках. В нём публиковалась русскоязычная литература высочайшего класса, журнал открывал новые имена, там, к примеру, впервые были опубликованы Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский и многие другие «непечатные» прозаики и поэты, ставшие, благодаря грузинскому журналу, во-первых, «печатными», а позже – гордостью русской литературы...

Редактора, чей телефон дала мне Ната (она вернулась в Кварели и сейчас там живёт), звали Георгий Георгиевич Маргвелашвили.

В Тбилиси я не сразу, но собралась с духом и позвонила незнакомому человеку. Сказала, что приехала с Урала и что пишу стихи. Помню голос в трубке, высокий и требовательный:

– Ну так приносите!.. Запишите адрес: улица Барнова, 21...

Сейчас я знаю – вот так решаются судьбы.

Гиичка... Так звали Георгия Георгиевича не только я, все, кто его любил, и кого в пёстром литературном мире СССР выбрал он, литературовед... С тбилисских времён это великое для меня слово. Добрый и строгий человек маленького роста, со вздёрнутой вверх эспаньолкой, с внимательным взглядом

сквозь сильные диоптрии очков – оказался для меня не только первым другом в новой стране. Вся его семья – жена Этери, дочка Лали, внук Баграт – стала для нас с моей восьмилетней Галей настоящей, близкой роднёй, заботливой и любящей. А журнал «ЛитГрузия» стал дверью в литературу.

Волею судьбы я попала в последний из собранных Гией Маргвелашвили выпусков, носивших название «Свидетельствует вещий знак». Среди его авторов были Гандлевский, Кудимова, Леонович, Кекова, Синельников, Соколовская, Юрченко... Гвоздём выпуска была прекрасная проза Андрея Битова – «Грузинский альбом», ещё и первая публикация писателя за много лет (из-за участия в «Метрополе» его не печатали нигде). Многие из перечисленных (и Андрей тоже) стали моими друзьями.

С тех далёких пор у меня вышло четыре сборника стихов, четыре книги прозы и роман. Одной из особенно важных для меня стала книга «МАСХАРА, частные грузинские хроники» (Москва, «ArsisBooks. 2011). Её не найти, тираж был распродан в России за год-полтора, но в Интернете, возможно, она живёт. В неё вошло почти всё, что написано мною о Грузии с момента знакомства с Гией Маргвелашвили до издания «Масхары», то есть за четверть века. Это были очень непростые годы и для России, и для Грузии. Падение огромной империи, гражданские войны, разрывы отношений... Но были, сохранялись и дружба, и моя любовь к Грузии. И редкое, пронзительное счастье встреч с друзьями. Всё это есть в книге. А заканчивалась она стихами. Этот раздел назывался «ПОСВЯЩЕНИЯ», действительно, стихи в нём – все, каждое – имеет адресата. Большинства из адресатов давно нет на свете. Одним из первых ушёл Георгий Георгиевич... Все они были людьми высочайшей пробы. Многих знают и помнят и в Грузии, и в России. А для меня они просто – живы.

Из двух с лишним десятков посвящений редакция «Русского клуба» отобрала четыре и предложила мне написать к каждому несколько строк в прозе.

Предложение принимаю с благодарностью.

У Гии Маргвелашвили на улице Барнова

I

Итак, мой телефонный звонок незнакомому человеку с улицы Барнова прозвучал в феврале 1984 года, последовало приглашение немедленно прийти со стихами.

Я принесла три листика по указанному адресу, Гия открыл и прямо на пороге прочёл листики, секунду подумал и сказал: «Я это беру... – и добавил: – Хорошо бы ещё, если успеете и захотите, напишите ещё одно, небольшое, но со словом Тбилиси». Я кивнула. После чего он окончательно меня впустил. Оказывается, я попала вовсе не в редакцию, а в большую квартиру, где Гия с семьёю жил. Вся она до высоченного потолка была заставлена стопками книг и толстых журналов. Только в одной комнате стены были свободны от литературы, но сплошь заняты живописью и графикой. И какой! Параджанов, братья Зданевичи, Нижарадзе, Ахвледиани, Мирзашвили, Сарьян... И даже Пикассо! И ещё – множество прекрасных фотопортретов Беллы Ахмадулиной работы тбилисского фотографа Додика Давыдова... А на кухне (где тоже было полно книг и журналов) царил жена Гии – Этери, с хачапури, пахлавой и всевозможным вареньем к чаю. Особенно меня поразило ореховое... Окна четвёртого (или третьего?) этажа были увиты глицинией, в комнатах летом и зимой царили сумерки... Гия умел и любил гадать по руке и с удовольствием морочил головы поэтессам, называя себя «членом международного общества хиромантов и графологов с центром в городе Бухаресте»...

СНЕГОПАД В ТБИЛИСИ

Гие Маргвелашвили

Ну и сумрак! И в полдень нельзя без огня.
 День короткий, январский и снежный.
 На ладонь мою смотрит, очки приподняв,
 Хиромант близорукий и нежный.

Он глядит мне в ладонь,
 словно в герб родовой,
 Он читает серьёзно, как святцы,
 Что умею любить до доски гробовой,
 Но зато не люблю целоваться.

Хиромант, я прославлюсь до дальних морей,
 Иль о том, что умру в одночасье,
 Рассказало вам дерево жизни моей,
 Вырастающее из запястья?

Вы молчите. Ладонь моя занесена,
 Как и бедный Тифлис, снегопадом?
 Скоро вечер, темнеет. А скоро весна?
 Мне не выдержать долгого взгляда.

Слишком много вопросов, так день невелик,
 Так мала, так замёрзла ладошка...
 Вскинет взгляд – и ладонь отнимать не велит,
 И шепнёт: – Помолчите немножко.

Помолчать... Я ещё помолчу, помолчу
 Среди заснеженных тихих угодий.
 И судьбу свою знать я совсем не хочу
 В день короткий, почти новогодний.

Что судьба! Мне она предстоит всё равно.
 Я хочу, чтоб в тбилисской метели
 Вы смотрели в меня, словно утром в окно,
 И ладонь отдавать не хотели.
 1984

II

Андрей Битов с юности был моим любимым писателем, познакомиться с ним было, примерно как с Чеховым, невозможно. Но мы познакомимся – в лифте всесоюзного дома творчества писателей в Пицунде. Лифт был большой и полон литераторами, все ехали на крышу – на семинар, который

С Резо Габриадзе. 1985

вёл Битов. Мы оказались с автором «Пушкинско-го дома» и «Пенелопы» лицом к лицу, точнее – нос к носу, кто-то в лифте и познакомил. Причём впервые в моей жизни прозвучало для меня совершенно удивительно: «Познакомьтесь, это Анна, она поэт». Потом все обычно так меня друг другу представляли. Я привыкла. И поняла, что слово поэт в Тбилиси значимо и почётно в самой разной среде.

Очень скоро Битов свёл меня с Резо Габриадзе. Они были друзья! Знакомство стало царским подарком на всю мою жизнь. Спасибо, Андрей...

На фото времён начала перестройки мы с Резо сидим напротив его театра за столиком первой в Тбилиси крохотной частной кофейни. Как раз в этот момент прямо рядом с театром рабочие устанавливают крест на церковь Анчисхати (VI век) – храм недавно возвратили церкви. Крест был заказан и выполнен по эскизу Габриадзе. И вот что Резо сказал мне тогда: «Как хорошо, Ана, открыли кафе и церкви... И хорошо бы на этом и остановились... Но ведь – не остановятся! Что думаешь?..»

КАК ПТИЧКА

Резо Габриадзе

В гостеприимнейшей стране
мне имя Ана, а не Анна.
Хозяева добры ко мне,
но вслед поглядывают странно.

Я не звана. Хожу незваная.
Вот так не звали тех монголоков,
что шли, подвесками позванивая,
за Тамерланом вслед... Мой голос

не нужен здесь. А я пою
беспечно, и не жду успеха.
Надеюсь, песенку мою
когда-нибудь подхватит эхо.

Пусть это будет без меня –
как птичка в небе рвётся в дали,
мой голос полетит звеня
над краем, где меня не ждали...
1985

III

Ещё до переезда в Тбилиси я по счастливой случайности посмотрела в Перми один за другим три грузинских фильма: «Не горюй!», «Жил певчий дрозд» и «Древо желаний». Оказалось, что ни один из этих фильмов меня не обманул, настоящая Грузия, когда мы с нею встретились, оказалась именно такой...

Через полгода после приезда меня приняли

работать по договору в отдел культуры тбилисской «Вечёрки», и я первым делом напросилась, чтоб мне дали задание взять интервью у режиссёра «Древа желаний» Тенгиза Абуладзе. Интервью давать он не хотел, но когда я сказала, что приехала из Перми, вдруг передумал и пригласил меня домой. Интервью так и не вышло, потому что он тогда начинал работать над фильмом «Покаяние», и всё висело на волоске. Но то, что я из Перми – это было важно для Тенгиза Евгеньевича. В сценарии фильма есть эпизод, когда в Тбилиси как раз из моих уральских краёв прибывают штабеля леса с лагерных лесоповалов. И для тех, кто ждал вестей от политзаключённых, каждое дерево могло оказаться весточкой, «письмом» от арестованного сына, мужа, отца. Люди искали грузинские имена на торцах поваленных деревьев. Думаю, те, кто потом видел фильм, помнят эти кадры.

С Тенгизом мы на этом и подружились – я ведь родилась в лагере, и, конечно, рассказала ему, что знала от мамы, от бабушки... Когда Абуладзе фильм закончил, но ещё непонятно было, разрешат ли показ, режиссёр пригласил меня посмотреть его нелегально, в маленьком просмотровом зале киностудии. Нас, первых зрителей, было двое – старенькая и любимая учительница Тенгиза Евгеньевича и я...

Когда наступил 1989-й, первый из череды трагических год, я написала стихотворение, которое и посвятила автору «Покаяния».

РИМ

Тенгизу Абуладзе

Два Рима падоша... ТретЕй стоит.
Четвёртому не быть.
Из послания старца Филофея.

ТретЕй стоит и небо полнит дымом.
Мой нищий, мой кровавый, страшный Рим,
Всё чаще вспоминаю я, родимый,
Что стало с первым Римом и с вторым...

Тенгиз Абуладзе и Галя Юзефович. 1986

Всё чаще, всё грознее, всё басовой
Огромная усталая страна
Мычит и стонет, как больная совесть.
Победами дотла разорена –

Она бредёт, пути не узнавая,
Своих детей не помня, не щадя,
То мальчиков в пустыне убивая,
То девочек губя на площадях.

А в полночи раскинется широко,
Молчит, не спит и чувствует беду,
Байкала помутившееся око
Уставя на Полярную звезду.

Века, мой Рим, ты пёр по бездорожью –
Своя земля была не хороша,
Костью ложился, строил царство Божье,
Все заповеди Божьи сокруша.

И обуха перешибали плетью
Опричники, и славили тебя.
Кончается твоё тысячелетье,
Кончается. Не я тебе судья.

Я из твоих. В твоей сырой земельке
Лежать в краях холодных и глухих,
Где Катьки, Петьки, Стеньки да Емельки.
Мы римляне! На нас твои грехи.

На нас грехи от века и доныне.
Прости, Господь, спаси и пожалей –
Не отречёмся от греха гордыни,
Ему учил нас старец Филофей.

Мы гордо жили!.. Валенки латая
Целковые швыряли за алтын!..
Долги за нас платила золотая,
Живая третьеримская латынь...

Мы сладко жили... Чистая пороша
Опять посмеет землю обелить.
Мальчишка крикнет:
«И третЕй падоша!
Но Рим четвёртый восхотеша быть».
1989

IV

...Его звали Пико. Прозвище возникло, когда Зураб Нижарадзе учился в Тбилисской Академии художеств, Пико произошло от Пикассо. Но когда сам он стал ректором Академии, то преспокойно продолжал отзывался на Пико. Вот уж был свободный человек!.. На заседание учёного совета приходил с теннисной ракеткой подмышкой, от-

С Зурабом Нижарадзе. 1995

крывал блокнот и рисовал, размышляя о своём – о линии, о свете, цвете и объёме... По мне так он был великий художник, да, великий.

Впервые я увидела его в деревянной люльке под потолком необыкновенного храма, Пико писал гигантскую фреску – светлая женщина на фоне огромного светлого пейзажа Грузии. Только свет, ничего кроме света... Дом этот был построен при мне архитектором Виктором Николаевичем Джорбенадзе, профессором той же Академии. Он до старости, как и Пико, не расставался с детским прозвищем – Буца... В Грузии двадцатого века, мне кажется, не было такого высокого замысла и столь совершенного исполнения – в архитектуре, скульптуре и живописи. Оно останется на века.

Но если художник настоящий – то и любой его набросок достоин вечности. Не так ли?

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

Зурабу Нижарадзе

Художник рисует быка.
По чистому полю листочка
Гуляют перо и рука
Свободно, рассеяно... Точно.

Неведомой жизни исток.
Вот бык. Он плывёт в океане.
А всё остальное – в тумане...
Рука, и перо, и листок,

И женщина, и облака,
И волны проносятся мимо...
Гуляют перо и рука –
Рассеяно. Непоправимо.
1993

ДИАЛОГИ

С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ

■ **Андрей МАРУДЕНКО**

Продолжение

О БОЛЬШОМ БРИЛЛИАНТОВОМ БИЗНЕСЕ В DE BEERS

– Никита Дмитриевич, очень интересная тема – ваша работа в De Beers. Насколько мне известно, эта компания вела дела совсем иначе, нежели принято сейчас, когда корпоративная бюрократия стремится максимально нарастить документооборот и все вывернуть наружу. Как там вели дела и принимали решения? – Поскольку Де Бирс была семейной компанией, а не публичным акционерным обществом, решения принимались тремя директорами в Лондоне: хозяином, сэром Филиппом Оппенгеймером, и двумя его помощниками, Монти Чарльзом и Тедди Доу. Во время войны все трое работали в военной разведке. Каждый из них имел право принимать оперативные решения, не согласовав его с другими. Это обстоятельство и отсутствие письменных записок по поводу оперативных решений позволили Де Бирс довести до минимума любые утечки. Когда

я начал там работать, то принес сэру Филиппу свое видение деятельности компании на бумаге. Он отправил ее в шредер и посоветовал больше так не делать. Так велись дела во время моего десятилетия на службе, с 1987 по 1997 годы. После ухода Доу на пенсию, а вскоре за ним ушел и Монти Чарльз, генеральным директором стал Гарри Рейф. Сэр Филипп передал правление не сыну Энтони, а племяннику Ники, сыну Гарри Оппенгеймера. Большинство оперативных решений принималось совместно Гарри и Ники.

– *Вопрос репутации имел большое значение для Де Бирс?*

– Это очень важный момент, поскольку Де Бирс имела безупречную репутацию. Если с ней было заключено даже устное соглашение, то она выполняла его условия даже себе в убыток. Важное значение внутри компании имела психологическая совместимость. Руководство должно было доверять сотруднику и быть уверено в том, что он не предаст их даже за приличные деньги. Де Бирс была большой семьей, и люди редко уходили из нее.

– *Что там еще принципиально отличалось от современного веде-*

ния дел в бизнесе?

– Я приведу вам такой пример. Однажды советские партнеры Де Бирс провели на свой страх и риск сделку и потеряли на ней около 3 миллионов долларов, хотя Де Бирс предупредила письменно советских чиновников о такой угрозе. Тогда сэр Филипп Оппенгеймер, глава Де Бирс, дал миллион долларов личных денег, чтобы хотя бы отчасти покрыть потери советской стороны. В ответ на мое недоумение, он сказал, что привык работать именно с этими людьми и предпочел бы иметь дело с ними и дальше. Эта ситуация не только выходит за рамки того, как учат нынешних бизнесменов, но и непонятна американским бизнесменам того времени, которые посчитали бы сэра Филиппа за дурака. Однако, подобное отношение к ведению дел позволило Де Бирс оставаться монополистом весьма долгое время. Деловые взаимоотношения компании Де Бирс радикально отличались от большинства приемов, мотивирующих компанию в капиталистически странах. Они приближались к долгосрочным принципам японских компаний.

Любая компания в США, так же, как и многие в мире, чьи акции продаются на биржах, обязана публиковать отчеты о деятельности компании каждые три месяца. Это заставляет руководство гоняться за краткосрочными и постоянными прибылями, часто вредя долгосрочным перспективам дела. Де Бирс, будучи семейной компанией, не обязана была публиковать свой баланс. Конечно, баланс постоянно вели и доставляли в определенном количестве деловым алмазным кругам и банкам, которые одалживали Де Бирс деньги на закупку «буферного» инвентаря. Этот инвентарь позволял Де Бирс регулировать рынок и обеспечивать его стабильность. Целью семьи было – аккуратно и постепенно развивать дело, с надеждой передать его наследникам. Компания была малоодоходна. Годовые доходы были ниже ставок (процентов) денег, лежавших в банке, а именно: 6 процентов годовых в те времена.

– Многим будет удивительно услышать, что мировой бриллиантовый монополист на самом деле имел небольшие доходы, тогда как наше воображение рисует витрины с бриллиантами и цены с

шестью-семью нулями.

– Дело в том, что, дабы удержать монополию алмазного дела, Де Бирс тратила на это большие деньги. Ежегодно реклама стоила 250 миллионов долларов. Закупка «буферного» инвентаря алмазов стоимостью 4 миллиарда долларов на деньги, полученные от банков, обходилась в 240 миллионов долларов, то есть это была стоимость годовых процентов за арендованные деньги. Этот подход к делу устраивал СССР, нуждавшемся в надежном партнере, который бы гарантировал поставку денег по заранее договоренной цене от вырученных с продажи 90 процентов алмазов СССР. Эти деньги были необходимы для обеспечения пятилетнего плана. Эти отношения подверглись испытанию. Во времена перестройки СССР очутился на грани банкротства. Никто не хотел одалживать деньги новой администрации СССР. Тогда Михаил Горбачев обратился к Де Бирс. В ответ СССР получил пятилетний кредит размером 1 миллиард долларов под ипотеку, как выяснилось впоследствии, мелких и низкокачественных алмазов на эту же стоимость. Де Бирс с трудом удавалось прода-

вать эти коричневые алмазы на протяжении семи лет.

– *Насколько мне известно, монополия Де Бирс закончилась совсем недавно.*

– Монополия Де Бирс в 1960 годах производила 50 процентов мировой добычи алмазов и, кроме того, контролировала 90 процентов рынка алмазов. Это противоречило антитрастовым законам США. Санкциями против Де Бирс и его высшего руководства, наложенными США при содействии ООН, удалось прекратить монополию в 2014 году. Это привело к понижению цен на алмазы в среднем на 30 процентов и к колебаниям на любое сырье, например, на нефть.

Россия – самая большая страна-производитель алмазов, 43,3 миллиона карат в год. За ней идет Ботсвана – 27,3 миллиона карат в год в партнерстве с Де Бирс. На место картеля Де Бирс, который держал «буферный» инвентарь алмазов для урегулирования рынка, частично пришла Алроса, которая хранит в запасах 30 миллионов карат, а Де Бирс – 20 миллионов карат. Обе эти компании держат

Марокко. Порт Касабланка

в запасе 50 процентов годового мирового производства алмазов. При минимальных ставках, процентах за аренду денег за последние три года этот «мертвый вес» не тревожит Де Бирс.

– *Никита Дмитриевич, что вы, как эксперт по бриллиантам, можете сказать относительно качества бриллиантов в украшениях больших ювелирных Домов?*

– Все зависит от того, на каком вы рынке. Проведу параллель с искусством: если вы на рынке художника Шилова, то идете в одно место, если на рынке Рембрандта – в другое.

– *Graff – это Рембрандт?*

– Graff – это Ренуар. Рембрандт – это Harry Winston. Если говорить о самых серьезных коллекционерах бриллиантов, то они, как правило, покупают алмазы выдающихся характеристик у немногих специализированных торговцев, как David Gul в Женеве или Winston в Нью-Йорке.

– *Вы большую часть жизни работали в большом бизнесе. Какую роль в ваших успехах игра-*

ла удача, счастливый случай?

– Думаю, 50 на 50. Приведу один любопытный пример. В 1975 году я заведовал в банке Wells Fargo отделами Европы, Африки и Ближнего Востока. Я, побывав в Рабате и Касабланке дважды за последние два года, не мог наладить деловые отношения ни с генеральным казначеем Марокко, ни с министерством финансов. Блокировал мои попытки молодой начальник казначейства, который не скрывал своих антиамериканских взглядов. В октябре того же года мы с Ниной улетели в двухнедельный отпуск на остров Кауай. Находится он в часовом полете от Гонолулу на северо-западе столицы Гавайских островов. Наше внимание к острову привлекло объявление сети «Клуб Мед». Там говорилось, что отдаленность острова способствовала сохранению природы от загрязнений массового туризма, плюс там была чистейшая и теплая – 26 градусов – вода океана.

В «Клуб Мед» все гости не от-

личались друг от друга по внешним признакам, ибо жара заставляла постоянно ходить в купальниках. За обедом пищу там подавали на большой стол, куда гости могли садиться спонтанно. На второй день после нашего приезда я сидел рядом с Ниной и разговаривал по-английски. Напротив нас была группа франкоговорящих мужчин. После первого блюда Нина мне тихо сказала, что она подозревает, что мужчина, сидящий напротив меня, должен быть VIP-персоной, судя по тому, как его компаньоны к нему относятся. Обращаясь к нему по-французски, я спросил его, из какой страны прилетели он и его друзья? «Марокко», – ответил он. Мы продолжали беседу о Марокко, включая тему высокой реальной безработицы мужчин, составляющей 26 процентов. Официально безработица составляла 12 процентов, ибо крестьянин в деревне считался работающим на своем клочке земли. Я поделился с ним моим наблюдением о том, что в порту

Касабланка на пристани я заметил тонны ящиков гниющих помидоров. Мужчина улыбнулся и сказал, что часто у производителей овощей не хватает средств на оплату транспорта на экспорт. Эта тема его волнует, ибо страна теряет доход. А будучи министром финансов, ему, конечно, хотелось бы с этим справиться. Так я познакомился с Абделькадером Бенслиманом.

Я не удержался его спросить, почему он решил пролететь половину полушария с двумя пересадками в эту глушь, отделенную от Рабата 10-ю часами полета? Он ответил, что в этом месте король Мохамед бен Хасан его вряд ли найдет. В клубе один телефон – у директора. А 10-часовая разница во времени делает связь в нормальные часы почти невозможной. У него не было отпуска уже два года, и ему было необходимо отдохнуть. Потому он и решился на такой «хадж». Я осмелился и сказал, что работаю в банке. Предложил ему наладить кредит на 50 миллионов долларов для финансирования экспорта пище-продуктов. Он согласился лететь обратно через Сан-Франциско с целью встретиться с руководством банка и в моем отсутствии оформить кредитную линию. По телексу я предупредил коллег, которые его встретили с почестями, соответствующими его рангу. После его отъезда мы с Ниной остались еще на десять дней, загорали, набирались сил для предстоящей борьбы на трудовом фронте. В ноябре я полетел в Рабат. Абделкадер меня радушно принял в министерстве. После короткой беседы по моему предложению он позвонил в Касабланку главе марокканского Внешторгбанка (Banque Marocaine du commerce exterieur) и попросил его меня принять. Я тут же полетел в Касабланку и имел удовольствие познакомиться с приятнейшим главой банка, Хасаном Бенжелюном. Вместе мы определили основу долготелного сотрудничества между двумя нашими банками. Так началась моя плодотворная и доходная деятельность в Марокко благодаря счастливому случаю.

– Опыт работы с российскими

Тедди Доу, Никита Лобанов-Ростовский и сэр Филип Оппенгеймер. Москва, 1988 год

бизнесменами у вас был?

– Во время перестройки, в 1989 году, Артем Тарасов был объявлен первым официальным рублевым миллионером в СССР. Ему было около 40 лет, когда он приехал в Лондон в 1990 году. Ему пришлось тогда уехать из Москвы из-за возникших затруднений с властями. Скоро после его приезда, наши общие знакомые попросили меня познакомить их с ним. Когда он пришел в ресторан, я удивился его несуетливой внешности. Передо мной стоял красивый, приветливый, элегантный и улыбающийся человек. Я не сразу сообразил, что он армянин, родственник знаменитого французского писателя Henry Troyat (Георгий Тарасов). Артем меня спросил, могу ли я помочь ему создать банк? Я согласился. Я представил ему проект банка с уставным капиталом на 30 миллионов долларов. При тогдешней стоимости денег в 6 процентов годовых, этот капитал принес бы доход в 1,8 миллиона. Достаточно, чтобы покрыть расходы за первый год на все аспекты деятельности банка. Кроме того, я ему подготовил список людей для совета директоров и трех ключевых фигур в управлении банком. Эти сотрудники проверяются и утверждаются Центробанком Британии. Он отверг это предложение. Я его спросил о причинах отказа. Он ответил, что не хочет открывать банк в Лондоне, потому что не хочет платить налогов.

Поэтому нужно открыть банк в Монте-Карло. Я спросил, какие деньги стоят за ним. Он ответил, что три миллиарда долларов. Я сказал, что вся экономика Монако не выдержит этого. При таком количестве денег, тогда было не более пяти финансовых центров, способных принять такой вклад, и Монако в этот список не входило. Он со мной не согласился. Через две недели я встретил его, и он сказал, что познакомился с человеком, который предоставил офис для совместной работы и получил 100 тысяч фунтов предоплаты за содействие. Месяца через три мы снова встретились, и он сообщил мне, что тот человек скрылся с деньгами, и все пропало. Тарасов вернулся в Россию.

Когда я работал с Марком Ричем, я знал, что Тарасов продавал нефть M.Rich. Он был из тех, кто имел лицензию покупать нефть в России по внутренним ценам в рублях, а продавать мог на внешнем рынке за доллары по мировым ценам. Но он не только зарабатывал на перепродаже, но и добавлял в нефть до 10 процентов воды. Артем не сознавал, что есть спотчек. До отгрузки товар проверяется независимой компаний, которая выдает сертификат о качестве и количестве груза. Рассказываю вам это, чтобы показать менталитет очень приятного человека, но приоритеты которого в делах кардинально отличаются от западного.

Игорь Разыграев

ТАК НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ

■ **Нина ШАДУРИ**

Да, да, бывают странные сближенья. Кто бы мог подумать, что разговор с актрисой Анной Макагон – заметьте, исключительно на творческие темы – вдруг подарит нам совершенно неожиданную «находку». А самая ценная находка в жизни – это когда «находишь» человека, правда ведь? Человека неординарного во всех проявлениях и смыслах. Именно о такой личности нам и рассказала Анна.

Но, как говорят в таких случаях, обо всем по порядку.

Если кто запомнил, Анна Макагон – заслуженная артистка и заслуженный деятель искусств РФ, основатель и художественный руководитель театра «У камина», который дважды был удостоен медали имени Михаила Щепкина «За процветание театрального искусства».

Счастливым случаем свел

Анну с Игорем Ивановичем Разыграевым, одним из ведущих специалистов по гипнозу не только в России, но и далеко за ее пределами. Теперь Анна знает наверняка: даже если ее и ее коллег беспокоят какие-то тревоги или недомогания, Игорь Иванович им поможет. Представьте себе – даже на расстоянии.

Перечень званий и достижений Игоря Разыграева займет не одну страницу, поэтому ограничимся основными: врач-психотерапевт, гипнотерапевт, кандидат медицинских наук, профессор Международного центра экспериментального и прикладного гипноза (Италия, Милан), президент Ассоциации творческого и лечебного гипноза, автор научных трудов и обладатель авторских патентов по гипнотерапии и исследованию гипноза, доктор философии.

Учителем Игоря Разыграева был всемирно известный Владимир Райков – основоположник метода развития творческих способностей человека с использованием гипноза. Райков считал, что гипноз – одна из форм неосознаваемого переживания творчества. Им также был разработан специальный метод самовнушения для мобилизации психики, который может быть использован человеком для своего саморазвития, творческой мобилизации и лечения, – метод, свидетельствующий о громадных биологических ресурсах организма.

В 1993 году Владимир Райков и Игорь Разыграев создали Ассоциацию творческого и лечебного гипноза – с целью объединения специалистов в области изучения деятельности человеческого мозга и возможностей гипноза. В 2007 году В. Райкова не стало, и И. Разыграев возглавил Ассоциацию, продолжив дело учителя.

Сегодня Игорь Иванович диагностирует и лечит такие заболевания, как психогенные, эмоционально-поведенческие и истерические расстройства, не-

вросы, фобии, все виды хронических зависимостей и многое, многое другое. Проводит гипнотренинги. Открывает скрытые в людях таланты и развивает их творческие способности.

Вот только некоторые из многих тысяч отзывов его учеников и пациентов: «Минус 5 кг, ушли депрессия и дневной сон, отличное настроение, отказ от антидепрессантов»; «Спасибо, что вы есть. Находиться в вашем поле – одно удовольствие»; «Решила свою проблему со сладким после сеанса. Просто не хочется и все. Одна ложечка сахара ощущается, как 5 ложек»; «Благодарю вас за ваш труд, золотые руки и доброе сердце»; «Один сеанс с доктором избавил меня на сегодняшний день от 11 кг лишнего веса. А прошло всего два месяца. Самочувствие улучшилось, депрессия ушла и появилась энергия. Покупаю новую одежду»; «Игорь Иванович, благодарю за науку. Раньше у меня не было подходящего инструмента, который можно применить. Теперь есть»; «Результат меня просто потряс, уже после трех сеансов я перестала заикаться. У меня началась совершенно новая жизнь»...

«Гипнозом я заинтересовался еще школьником, – рассказывает Игорь Разыграев. – Прочел «Лезвие бритвы» Ивана Ефремова, все книги Владимира Леви – «Искусство быть собой», «Я и Мы», «Охота за мыслью»... Так или иначе в этих книгах затрагивается тема гипноза. Я даже пытался применять гипноз на уроках – и получалось! Иногда я взглядом мог сделать так, чтобы меня не вызвали к доске... Я много общался с полковником в отставке Иваном Качалиным – он занимался психотронным оружием и в свое время даже запатентовал аппарат, усыпляющий людей на расстоянии до 50 километров. Но, как мне рассказывал Качалин, психотронное оружие на 90 процентов – это все-таки гипноз. Помню, идем мы с Райковым мимо Ярославского вокзала. А там всегда стояли толпы цыганок. Мы двигаемся прямо на них – идем на таран. И тут Райков делает несколько энергичных пассов руками – и ошарашенные цыганки

разбегаются в разные стороны! Это, кстати, стало одним из его уроков для меня: в нашей работе очень важен кураж! Райков с возмущением рассказывал: «В Нью-Йорке я побывал у гипнолога. Он проводил сеанс читая по книжке!» Для него это было нонсенсом. Для меня – тоже. Хотя кто-то из начинающих коллег пользуется скриптами – заготовками, которые им раздают на курсах гипнотизеров... С Райковым мы познакомились не случайно. Я тогда уже закончил медицинский институт, прошел ординатуру. Не знаю, было ли это ошибкой, но я выбрал неврологию, а не психиатрию, и посвятил ей шесть лет жизни. А потом окончательно убедился, что целиком усвоил весь арсенал невролога, который был в те годы, и мне стало скучно. В один прекрасный день я стоял на остановке и читал на стенде свежую газету. Помните газетные стенды – советский источник информации? Прочел статью про Райкова – «легенда», «творческий гипноз»... В конце статьи были указаны адрес и телефон поликлиники на Старом Арбате, где он периодически проводил сеансы на 50-60 человек. И я пошел к Райкову. Представился – я молодой врач, очень хочу заниматься гипнозом. «Сеансы проводить умеете?» – спросил Владимир Леонидович. – «Да!» – заявил я, хотя никогда не проводил сеансов на 50 человек. Но отступать было некуда. – «Пошли!» Мы пришли в зал, публика расселась, Владимир Леонидович включил музыку (он работал только под классическую музыку), сел и... задремал! А я провел сеанс. Одного обездвигил в одной позе, другого – в другой... Разукрасил весь зал, как новогоднюю елку. Райков открыл глаза. «Кто это сделал?» – «Я!» – «Приходите завтра. Жду вас». И пожал мне руку. Вскоре я окончательно оставил свою неврологию и начал работать у Райкова на постоянной основе. Мы много ездили, принимали участие в международных симпозиумах по гипнозу и психотерапии. Западный метод, выверенный, рациональный, отличается от нашего. Думаю, у нас гораздо сильнее развито

В. Райков, А. Кашпировский, И. Разыграев

его продолжаю) как мануальный гипноз – не вербальный, а мануальный. Работает! Как? Объяснить невозможно. Прикасаешься к больному колену пациента, и – раз! «Ой, доктор, не болит! Спасибо!» Райков объяснял этот феномен термином «суггестивная энергия». У гипноза огромные перспективы. При этом гипнологи, которые используют готовые алгоритмы, заданные скрипты, могут быть вытеснены искусственным интеллектом. Найти психотравму, нивелировать ее сможет и робот, которого мы научим работать лучше нас. В свое время великий Каспаров научил компьютер играть луч-

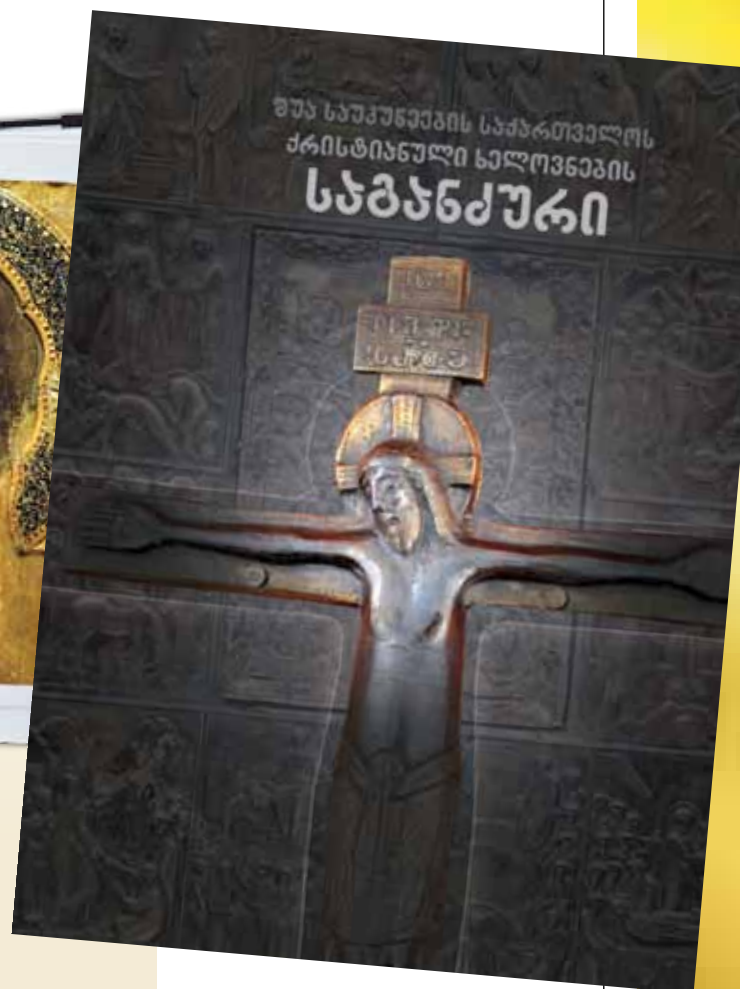

С учениками

творческое начало. В работе Райкова было наитие, порыв, вдохновение – как в искусстве. И такой метод, я уверен, надо беречь и культивировать. Конечно, используя все лучшее, что было создано разными учеными. Что такое гипноз? Медицина и физиология или творчество и воображение? День ото дня расширяются

наши знания о медиаторах мозга, о сложных межнейронных взаимодействиях, о психотравмах и психосоматике. Тем не менее такие вещи, как харизма, вдохновение, творческий транс – необходимы. Прекрасно, если у гипнолога есть фундаментальные, академические, научные знания. Однако Райков ввел такой метод (и я

ше Каспарова. Поэтому, кстати, шахматы сейчас в таком упадке. А вот харизму, творчество, эмоциональное воздействие компьютер воспроизвести не в состоянии. Флюиды и суггестивную энергию ничем заменить невозможно. Так что – наше дело правое».

СОКРОВИЩА НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ

Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

В большом зале гостиницы «Тбилиси Марриотт» собралось столько людей, что яблоку негде было упасть: известные деятели культуры, ученые, представители духовенства, члены Священного Синода. Все они пришли на презентацию книги «Сокровищница средневекового христианского искусства Грузии», посвященной 45-летию интронизации и 90-летию со дня рождения Католикоса-Патриарха Всея Грузии, Архиепископа Мцхетского и Тбилисского, митрополита Пицундского, Сухумского и Абхазского Илии II. Издание опубликовано при поддержке «Общества Иверииса» и повествует о старинных иконах, крестах, церковной утвари, хранящихся в фондах Национального музея Грузии. Автор труда – доктор искусствоведения, профессор Нана Бурчуладзе, которая на протяжении многих лет работала в музее и подробно исследовала уникальные экспонаты, составляющие неотъемлемую часть культурного наследия Грузии.

«Общество Иверииса» было создано в статусе фонде в 2010 году по благословию Илии II. Тогда при его деятельной поддержке осуществилось строительство храма Иверской иконы Божией Матери на горе Махата. До декабря 2015 года фонд возглавлял знаменитый оперный

певец Паата Бурчуладзе, затем руководство организацией было поручено известному бизнесмену Георгию Тавадзе, и фонд был преобразован в общество.

При «Иверииса» создан совет ктиторов (попечителей), который координирует деятельность организации. По словам

Георгия Тавадзе, просветительская деятельность является одним из основных направлений работы «Иверииса», с этой целью подготовлен проект строительства современного научно-исследовательского и культурно-просветительского центра, который будет со-

Икона молящегося перед Спасителем Св. Георгия

оружен на горе Махата рядом с храмом Иверской иконы Божией Матери.

Еще один приоритет «Общества Иверииса» — забота о сохранении и популяризации культурного наследия страны, для чего и предназначена книга Наны Бурчуладзе. «Это блестящий труд калбатони Наны и всей группы ученых, работавших над изданием. Хочу также выразить благодарность Национальному музею Грузии за плодотворное сотрудничество. Я не являюсь специалистом в этой области, однако, как читатель, могу сказать, что это настоящий шедевр, и мы действительно соскучились по таким книгам. Вся Грузия должна ознакомиться с ней, поэтому на сайте «Иверииса» можно скачать ее электронную версию», — отметил Г. Тавадзе.

Генеральный директор Национального музея Грузии, член совета ктиторов «Иверииса» Давид Лорткипанидзе вспоминает мудрые слова Патриарха о том, что знание и вера, наука и религия неразрывно связаны друг с другом и играют важнейшую роль в развитии страны. Изначально образцы религиозного искусства, представленные в труде Бурчуладзе, хранились в монастырях: на протяжении многих веков церковь тщательно оберегала драгоценные иконы, кресты, сокровища грузинских царей от набегов завоевателей. В недалеком прошлом ответственность за это полностью легла на плечи представителей общественности. «Мы должны гордиться тем, что такие великие ученые, как Эквтиме Такашвили, Георгий Чубинашвили, Иванэ Джавахиш-

вили, Дмитрий Шеварднадзе, Шалва Амиранашвили, Симон Джанашия сохранили для нас творения наших предков. «Иверииса» активно сотрудничает с отечественными учеными и научными институтами, мы приложим максимум усилий для популяризации культурного наследия среди широких слоев общества», — отметил Д. Лорткипанидзе.

По словам Наны Бурчуладзе — это ее четвертый труд, посвященный Илие II. «Музей — учреждение, функцией которого является сбор материалов, их изучение и распространение информации, — отметила она. — Просветительская функция играет особую роль в деятельности Национального музея Грузии, и можно с уверенностью сказать, что все ведущие музеи мира хотели бы иметь в своих фондах экспонаты, хранящиеся у нас». Эта коллекция по своему значению стоит наравне с собраниями Лувра, Метрополитен-музея и других известных музеев, так как в ней представлены образцы искусства народов, населяющих три континента. Особой коллекцией, которой нет нигде в мире, является собрание артефактов грузинского искусства в большом хронологическом диапазоне: начиная с дохристианского, античного периода, кончая современностью. Среди предметов коллекции особенно важными для Наны Бурчуладзе как специалиста, работающего в этой области, являются образцы церковного искусства.

«Такое собрание икон, крестов, литургических предметов, тематически, иконографически и стилистически принадлежащих к совершенно разным эпохам и направлениям, которое собрано в этой книге, вы редко встретите в какой-либо коллекции. Именно поэтому Шалва Амиранашвили и Георгий Чубинашвили называли это собрание «Маленьким Лувром». Они стояли у истоков формирования нашего музея и наравне с Св. Эквтиме Такашвили, Дмитрием Бакрадзе, Георгием Бочоришвили по крупицам собирали богатейшую сокровищницу, которая ныне повествует нам об истории Грузии», — подчеркнула

Н. Бурчуладзе.

По ее словам, каждый экспонат, представленный в книге, описан в следующей последовательности: информация о дате и истории поступления предмета в музей, затем описание самого артефакта, его иконография, стилистика, история и надписи на нем. С художественной точки зрения многие из этих предметов являются шедеврами. Большинство из них созданы из драгоценных металлов и входят в коллекцию под названием «Сагандзури» («Сокровищница»). Нигде, ни в одной христианской стране, не было создано такое огромное количество крестов и икон из золота и серебра.

На обложке книги виден фрагмент Ишханского настоятельского креста X века с изображением распятого Спасителя, фоном которому служит фрагмент Мартвильской иконы Пресвятой Богородицы XVI века, на котором представлены сцены двенадцати Двенадцатых праздников, здесь прослеживается вся земная жизнь Иисуса Христа и его распятие. Это изображение как бы символизирует нашу страну, землю которой окроплена кровью многочисленных святых. На задней обложке издания изображена Оконская икона – мощевик XVI века, на ее пластине сделана надпись уставным письмом с перечислением святых, мощи которых хранятся в ней.

Расскажем о нескольких экспонатах, о которых повествуется в книге Наны Бурчуладзе.

Икона из Бочормы – ценнейшая икона XII века с изображением Христа Вседержателя (темпера, золото, перегородчатая эмаль), пожертвованная Гелатскому монастырю Симеоном Чкондидели (высший чиновник при дворе царя Давида Агмашенебели и его сына Деметре I, известный особой заботой в отношении церкви). Создал ее золотаятель Асания.

Икона молящегося перед Спасителем Св. Георгия (дерево, позолоченное серебро, перегородчатая эмаль) создана на рубеже XI-XII вв. для собора Св. Георгия, возведенного в городе-крепости Бочорма, на Гомборском хребте. После

Гнездо креста царицы Тамар – икона-диптих

того, как Давид Агмашенебели присоединил Кахети к единой Грузии, в начале XII века, собор был украшен великолепной росписью. В период позднего средневековья, когда население покинуло Бочорму, образ был перенесен в Алавердский собор, где находился до начала XX века. Каждый год, во время осеннего праздника Гиоргоба, 23 ноября, икону крестным ходом поднимали в Бочорму, а затем снова возвращали в Алаверди. Она была особо почитаема среди верующих, поскольку в ней хранилась частица руки Св. Георгия, из-за чего в народе ее называли «иконой с рукой». Современная рамка иконы изготовлена в 1801 году золотаятелем Гавриилом, на средства внука царя Ираклия II, генерал-лейтенанта Давида Багратиони.

Икона Усекновение главы Св. Иоанна Крестителя (дерево, золото, драгоценные камни) находилась в церкви Рождества Св. Иоанна Крестителя, входящей в состав монастырского комплекса Давид Гареджи. Икона датируется 1574-1601 гг. Она создана на средства царя Кахети Александра II. От росписи иконы ничего не осталось, повреждены также металллическая риза и мощевик. Экспонат поступил в музей в 1925 году.

Нагрудный крест-мощевик царицы Тамар (золото, позоло-

ченное серебро, драгоценные камни, чернение, дерево, темпера и масляные краски, перегородчатая эмаль) со специально для него изготовленным двустворчатым гнездом хранился в Хобском монастыре. В 1921 году его вывезли во Францию, откуда он был возвращен в 1945 году. В нем хранится деревянный крест, изготовленный из частицы Животворящего креста Голгофы. Крест украшают четыре изумруда, пять яхонтов, шесть жемчужин. Удивительно, что, несмотря на древность, жемчужины сохранили форму и блеск. На обратной стороне креста – надпись, сделанная уставным письмом, согласно которой крест создан для царицы Тамар. Это – единственный личный предмет царицы, дошедший до наших дней.

У креста есть гнездо – икона-диптих, изготовленная из дерева, ее со всех сторон покрывает оклад из драгоценного металла, покрытый стилизованным растительным орнаментом, фигурами святых, драгоценными камнями. У гнезда с левой стороны – металллический затвор. С внутренней стороны левой части диптиха вырезано гнездо для

Икона Христос Вседержатель

креста, вокруг которого изображены фигуры ангелов, Св. Иоанна Богослова и Богородицы, их взоры направлены на правую часть диптиха с изображением распятого Христа, от которого до нас дошел лишь силуэт и орнаментированный ореол.

На внешней стороне киота, в центре левой части, изображена фигура Христа Вседержателя, роспись которой обновлена в XIX веке. В правой части – вставлен медальон из перегородчатой эмали с изображением Св. Василия Великого, по четыре стороны от него – четыре больших медальона с изображением Св. Иоанна Златоуста, Св. Григория Богослова, Св. Игнатия Богоносца, Св. Иоанна Богослова, которые, подобно изображению Спасителя, были переписаны в XIX веке масляными красками.

Между большими медальонами вставлены малые меда-

льоны из византийской перегородчатой эмали с портретами Пресвятой Богородицы – Оранта, Св. Николая, Св. Георгия и Св. Димитрия. Гнездо креста сделано по заказу некоего Игнатия, настоятеля Хобского монастыря, по всей видимости, после того, как внук царицы Тамар, сын царицы Русудан, Давид VI (Нарин), стал царем Западной Грузии (1259-1293 гг.) и перенес туда часть царских сокровищ. Крест царицы Тамар и его гнездо являются уникальным образцом среди грузинских реликвариев и ставротек. Согласно архивному фото, крест и его гнездо были реставрированы в XX веке. Хотя на гнезде можно заметить следы переписи росписи XVIII-XIX вв. В XIX веке, в период правления экзархов, было заменено также несколько медальонов из перегородчатой эмали с изображением святых, которые были замещены портретами, нарисованными в

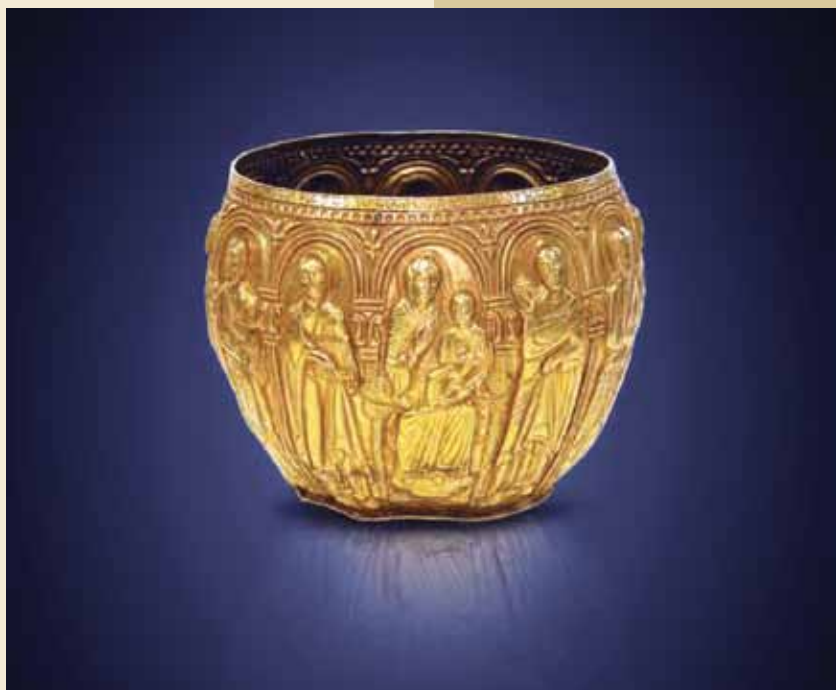
русском стиле.

Боевой крест Св. Давида Агмашенебели (дерево, позолоченное серебро, золото, серебро, чернение) хранился в Гелатском монастыре, в начале XX века был привезен в Тбилиси и помещен в Музей древнего грузинского искусства. В 1921-1945 гг. был вывезен во Францию. Крест достаточно большого размера, его основу составляет дерево, поверхность которого покрыта пластиной позолоченного серебра, а обратная сторона покрыта серебряной подпругой. Он был украшен драгоценными камнями (самое малое – 28-ю), на нем изображены два летящих ангела, апостолы Св. Петр и Св. Павел, а также евангелисты Св. Матфей, Св. Марк, Св. Лука, Св. Иоанн. Особо следует отметить изображение Св. Варвары. В иконографии принято изображать эту мученицу с чашей в руках, она покровительствует людям, не желающим умереть внезапно, без принятия Святого Причастия, поэтому неслучайно, что она изображена на кресте, который Св. Давид Агмашенебели выносил на поле брани.

В отличие от других настоятельских крестов, хранящихся в музее, этот крест оформлен сравнительно скромно, хотя на поверхности видны следы от десятков драгоценных камней,

Боевой крест Св. Давида Агмашенебели

Бедийская чаша

которые, по мнению Георгия Чубинашвили, были добавлены позднее. По его же мнению, этот крест создан многими годами ранее и принадлежал первому царю объединенной Грузии Баграту III (975-1014 гг.). Несмотря на то, что он создан задолго до царствования Св. Давида, согласно надписи, Агмашенебели обновил его и стал его владельцем, именно с этим связано хранение креста в монастыре Гелати.

Тондо (круглый барельеф) с изображением Св. Мамаи (Гелати, XI в., серебро, частичная позолота). Он в 1921 году был вывезен из Гелатского монастыря во Францию, откуда возвращен в 1945 году, с 1952 года стал экспонатом Музея ис-

кусств Грузии. На круглой пластине изображена фигура святого, восседающего на льве. В правой руке он держит символ всех мучеников – крест, а левой молит Господа. Определенные части тондо покрыты позолотой: ореол святого, львиная грива, когти и хвост. Св. Мамай Кападокийский (III в.) был современником Св. Георгия. Ради верности христианской вере он многократно подвергался пыткам, а после смерти прославился чудотворениями. Известен среди западных и восточных христиан. Старейшие изображения святого датируются VI веком. В Грузии ранее изображение Св. Мамаи сохранилось на купольной росписи Манглисского монастыря XI века.

Бедийская чаша царя Баграта (червонное золото, рубеж X-XI вв.). В XIX-XX вв. хранилась в Илорской церкви, откуда попала сначала в Сухумский музей, затем была перенесена в Тбилиси, где в 1951 году передана Музею искусств «Метехи» (Музей искусств Грузии). Чаша дошла до нас без ножки. Она вычеканена на одной цельной золотой пластине таким образом, что шов не заметен. Представленные на ней изображения, орнаменты и надпись отчеканены заранее, и уже затем пластине придали круглую форму. Ее поверхность разделена на равные части посред-

ством арок, в них помещены изображения Христа Пантократора на престоле, Богородицы с младенцем, восседающей на престоле, и апостолов Св. Петра, Св. Павла, Св. Андрея, Св. Иоанна, Св. Марка, Св. Луки, Св. Фадея. На чашу нанесена надпись, в которой упомянуты первый монарх объединенной Грузии, царь Абхазский Баграт III (976-1014 гг.), и его мать Гурандухт, пожертвовавшие чашу собору в Бедии, ктиторами которого они являлись. Надпись на чаше гласит, что она была создана специально для Бедийского собора, строительство которого было завершено в 999 году. Когда и при каких обстоятельствах чаша была перенесена в другое место, неизвестно, но в 1865 году Дмитрий Бакрад-

Нана Бурчуладзе

зе видел ее в церкви Св. Георгия в Илори и описал. К тому времени у чаши была другая ножка, которая, согласно нанесенной на ней надписи, была изготовлена по заказу Бедийского митрополита Германе Чхетидзе в XVI веке.

Книга Наны Бурчуладзе является настоящим кладом для любителей искусства. На почти 400 страницах великолепно оформленного издания можно ознакомиться с уникальной информацией, известной только узкому кругу специалистов, которую читатель не сможет найти ни в одном другом источнике.

Фото: Мириан Киладзе, Заза Махарадзе, Заза Беселия

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

Из седьмой квартиры мы с Чипо вышли несколько обескураженные. Поскольку за пазуху фруктов не набили, тетя Тина вручила нам здоровенный пакет, не меньше, чем на полпуда, ей-богу. Я не знал, что с ним делать.

– Ну как? – спросил Чипо.

Я пожал плечами.

– По-моему – ничего...

– Не ничего, а нормально! – он хлопнул меня по плечу. – Пошли дальше!..

Следующей посетили квартиру под номером 5, в которой жил одинокий вдовец Дуту Каджая.

Кв. №5. Мингрелия

Он как раз собирался ужинать. Силком усадил нас за стол и наложил в тарелки мамалыгу с подливой, такой острой, что глаза полезли на лоб. Мы долго не могли отдышаться. А хозяин потирал руки и сыпал немислимой скороговоркой.

– Какие к нам люди! Какие люди! Два царевича – право

слово. Спасибо за честь! Сижу один, как тетерев. А ведь одинокого и за едой жалко. Сына где-то носит, на беду ему машину купил. Дочке не до меня, своя семья, мал-мала меньше, ладно, хоть иногда приходит обед готовить. Но приправы – я сам. Приправы – Дуту. Травы, что весь smak дают, никто, кроме меня не знает. Их для меня Паца из Цаленджихи сушит. А перец сам ращу. Огонь! Теперь так не делают. Слабо молодым! Кишка тонка! Или в желудке язва... Так зачем два юных господина себя побеспокоили? С тетрадкой и ручкой... Ах, вот оно что! Вам бы только намекнуть, Дуту Каджая сам бы все настрочил. Недаром меня с детства Титико кличут, что значит «болтунчик». Да к тому ж о родном крае. Об Одиши – так мы его называем на своем языке...

Если вам скажут, что там-де сыро и малярийно – не верьте! Плюньте в глаза таким болтунам. Было – да! А теперь нету. Посмотрите на меня, милостивые государи: похож я на траченного малярией? – Он встал, слегка подался к нам и почему-то оттянул припухшие веки; долговязый дядька с красным

конопатым лицом, рыжеватой шевелюрой и светлыми навыкате глазами. Мы не знали, как выглядят люди, потрепанные малярией, но Дуту Каджая явно не походил на такого. – Теперь принято ругать большевиков, но колхидские топи они высушили и комара малярийного извели. Виват!.. Молодые люди знают, что такой рай? Нет, молодые люди покамест не знают рая. Но когда окажетесь в Одиши – узнаете! Имя ему Горди. Это село в ущелье Цхенисцкали, где была летняя резиденция князей Дадиани. Молчу, ибо нет слов!

Я мог бы поразить вас сообщением о том, что в их зугдидском дворце хранятся личные вещи и посмертная маска Наполеона. Поскольку они в родстве с его Мюратом. Но это не Одиши и не Мингрелия. Это Европа и Франция. – Дуту Каджая отпил вина и, утерев салфеткой губы, неожиданно спросил: – Что мингрельцу дороже всего?

Я с надеждой покосился на Чипо, однако на этот раз он молчал.

– Нас легче понять, если узнаете, что нам дороже всего. – Некоторое время он выжидающе разглядывал нас светлыми

навыкате глазами и наконец изрек: – Лиошадь!

Я даже не сразу понял, что речь идет о лошади. Мягкое «л» – это была вторая характерная особенность его необычайно быстрой речи.

– Мингрелец обожает лиошадь! Недоброжелатели и рохли иногда обзывают нас конокрадами, но это не так. Когда джигит похищает девушку, мы его понимаем? Теперь представь себе такую лиошадь, без которой тебе не жить. Настоящий мингрелец, как мы говорим маргали кочи, поймет меня. А если вы не поняли, ищите в крови имеретинскую примесь, – Дуту Каджая с насмешливой улыбкой поглядел на нас и подмигнул. – Или кахетинскую... До войны у моего отца была ворона красавица, – продолжал он. – Всем лошадям лошадь! Краше царской невесты. Ноги струнки, копыта – с кулачок, шея лебяжья, а храп!.. В Батуми кофе в махоньких чашечках подают, так с ее храпом из такой чашечки пить было в пору. Про походку и не говорю, грешным делом люблю конкурсы красоты в телевизоре смотреть, но такой походки, ей-богу, и там не видел... Однако, лошадь все ж таки не фотомодель, чтоб по одним статьям ценить. Главное что? Ход. И выносливость. Жалко мне вас, царевичи вы мои, потому что вы не видели, как наша красавица ход набирала. Не она бежала, а простору за ней прирастало, и ног под ней все больше и больше становилось. Несется, не колыхнется, клянусь, стакан воды на спине устоял бы и не пролился. А как в галоп – птица птицей, хвост вот-вот оторвется. И после такого бега станет как вкопанная, пыхнет в две ноздри и всю усталость выдохнет. Не случайно отец ее Элвой звал, что значит Молния.

Теперь слушайте, что дальше было. В сорок втором, когда фашист с той стороны к Кавказским горам подошел, объявили у нас мобилизацию. Да не только людей, и лошадей призвали для работ там разных – телеги со снарядами на перевалы тащить, раненых в долины свозить. Сбор назначили в городке Мартвили, на окраине простор-

ный загон сколотили. И согнали лошадок отовсюду. В основном мосластые, вислозадые трудяги из хомутов, с натертыми загривками, расшлепанными копытами, понуро, белесыми ресницами моргают, от мух отмахиваются. Но и настоящие попадались, в особенности из Абхазии и Сванетии. Однако до нашей Элвы далеко, куда им! А она, бедняга, особняком держалась, все из-за загона шею свою лебяжью к отцу тянула. Я траву отборную срезаю, а отец кормит ее с руки, челку гладит и у обоих слезы в глазах, смотреть нету сил. Недаром то место Мартвили зовется, что значит «мученик». Когда отец старших сыновей провожал – моих братьев, не так убивался. Они, говорит, парни бедовые, языкастые, за себя постоят, а эта... она же по-русски ни слова... Нашел среди новобранцев двоих славных ребят – одного нашего, из Бандзы, а другого имеретинца. Сделайте, говорит, божеское дело, хоть на первых порах присмотрите; нельзя на такой лошади кашу возить. В былые времена за нее от султана можно было бы откупиться. Да Гитлер, будь он трижды проклят, в конях не понимает...

Ребята покивали для утешения, хотя что они могли обещать... Но представьте, примерно через год, в разгар войны, приходит нам с фронта

письмо: один из тех ребят прислал – имеретинец. И в том письме сказано, что наша Элва в хороших руках; на ней знаменитый кавалерийский генерал воюет, носится со своим корпусом по немецким тылам и наводит ужас на фашистов...

Вы бы на отца моего глянули, когда я читал: ус довольно покручивает, губы подрагивают, а в глазах покой и счастье, как будто оба сына с фронта невредимые вернулись. Матери велел стол накрыть и соседей по такому поводу пригласил... «Не подвела моя Элва! Да на ней не то, что генералу, самому Сталину не зазорно проехать...»

А я так думаю, что это все тот имеретинец шустрый сочинил. Вспомнил на досуге между боями про моего мученика из Мартвили и пожалел... А, может, и впрямь тот генерал на Элве воевал: ведь – голову на отсечение – второй такой лошади в Красной Армии не было... А хоть так, хоть этак – в любом случае я за то письмо благодарен. Отец до последних дней его берег и перед смертью попросил еще раз перечитать. Сам он безграмотный был и по-грузински не все понимал. Так что я читал и заодно переводил. А он слушал меня и попросил седло принести, которое

Ода-сахли в Мингрелии

Хевсуры в боевых доспехах

от Элвы осталось, чтобы голову на него положить...

Мы с Чипо не сразу перешли в следующую квартиру. Постояли на веранде, вспоминая рассказ Дуту Каджая и представляя красавицу Элву. Чипо посмотрел на меня, сказал:

– Может на сегодня хватит?

– Нет, – ответил я. – Так мы за неделю не управимся. Пошли в третью.

– А кто там?

Я заглянул в отцовскую карту.

– Хевсуры.

Кв. №3. Хевсурети

В третьей квартире жил Гоча Циклаури с молодой женой Циалой – то ли журналисты, то ли писатели: в газетах появлялись их заметки. У них были сыновья-близнецы, большеголовые курчавые крепыши с жесткими, как проволока, волосами и упрямым взглядом из-под сросшихся бровей.

Дядя Гоча с полуслова понял меня и пригласил в комнату. Она была обставлена на

деревенский лад: низкий стол – табачки, трехногие табуретки, медные кумганы и блюда. Часть комнаты была отгорожена занавеской. Над тахтой поверх ковра висело оружие – мечи, кинжалы, щиты и даже шлем с кольчугой. Нас как магнитом потянуло к ним. Заметив это, дядя Гоча снял со стены большой плоский меч.

– Обратите внимание на надпись у рукоятки.

Присмотревшись, мы обнаружили вытесненное латинскими буквами слово «Генуя» и недоуменно уставились на хозяина.

– В Хевсуретии встречается средневековое оружие европейских мастеров. Считают, что оно попало туда через воинов-хевсур, участвовавших в крестовых походах. Кстати, отсюда же кресты на хевсурских рубахах: отправляясь на защиту гроба Господня, воины украшали одежду соответствующим орнаментом. – Дядя Гоча дал нам полюбоваться всей коллекцией, кроме проржавевшей кольчуги, а шлем даже позволил примерить. Потом усадил на скрипу-

чую тахту, а сам, прохаживаясь по комнате, стал говорить:

– Все это, увы, в прошлом, – он обвел рукой оружие на стене и комнату. – Теперь хевсуры на зиму переселяются вниз, в Кახетию, и только летом возвращаются в горы, да и то не все. Селения пустеют, башни рушатся и зарастают крапивой. А ведь еще недавно было не так. На храмовом празднике в Шатили однажды мне повстречался мальш лет трех; без штанишек, он карабкался по кремнистой тропе и, пытая, тасил тяжелый меч – дашна. Когда я спросил: куда путь держишь, витязь? – не глядя на меня бросил: «На хламный плазник» – и потопал дальше. Не знаю, как он сбежал от матери и где стащил дедовский меч, но по походке и характеру это был хевсур... Теперь не так. Мы с Циалой этнографы, изучаем быт и народное творчество горцев. Стараемся все записать, зарисовать, сфотографировать и хотя бы таким способом спасти от исчезновения... Но живой обряд – это другое...

Помню, как умирал мой дедушка. Старик долго болел, и

женщины нашего рода ходили за ним. Но когда почувствовал приближение смерти, он устранил женщин, велел принести ему свечу, саблю и позвал старого друга Алуду. Никогда не забуду, как преобразилось его измученное лицо. Оно опять стало спокойным, достойным и красивым. Нас – мелюзгу и женщин – выставили за дверь, но я услышал, как дедушка спросил склонившегося к нему Алуду: «Достойно ли ухожу, Алуда?» и тот, вложив ему в руки саблю и свечу, откликнулся зычно: «Видит бог, Шугли, ты уходишь, как подобает мужчине». «Не сплеховал ли я где, Алуда?.. Нет ли на мне чьей крови?.. Не уношу ли с собой чьего долга?.. Цела ли кровля и остается ли в доме скот и имущество? – вопрошал дедушка и на все получал утешительный ответ. – Повинитесь за меня перед теми, кого обидел. Горяч я был, вспыльчив. Простите... Саблю мою передайте достойному мужу». Вот его сабля!

Дядя Гоча вынул из ножен длинную саблю с глубоким желобом.

– Но разве я вспомню о ней в свой последний час? А если вспомню, облегчит ли она мою участь?.. Эх... – он остановился против нас, помолчал в раздумье, прочитал:

Жить высоко! Пускай в нужде,
Но высоко! – Конечно, мудро...
Лишь на закате и под утро
Олень спускается к воде.

Вот задача: как, спустившись в сытые долины, жить высоко?

Это стихотворение записано в Хевсуретии со слов простого пастуха. Я и сам записал там кое-что. Да и Циала тоже. У хевсуров особый дар. Они слагают стихи обо всем – от пустяков до очень серьезных вещей. У горного родника где-нибудь в Архоти можно увидеть прибитые к деревьям поэтические переписки – шуточные, любовные, горестные.

Робкий олень Акушо
Спустишь по туману, спустишь:
Киликашвили ушел –
Можно и попасться...

Как объяснить этот дар – не

От деда к внуку

знаю. Думаю, прав один писатель, не понаслышке знавший хевсурский характер: прекрасное создает тот, кто глубже страдает, – сказал он.

Дядя Гоча приоткрыл занавеску, отгораживающую угол комнаты и позвал:

– Циала, поднимай мальчишек, идите сюда!

– Они только что уснули, Гоча, – кротко откликнулась женщина.

– Ничего... Я скажу балладу.

– Балладу? – удивилась женщина и с готовностью уступила. – Сейчас, дорогой...

Пока Циала с мальчиками появилась из-за занавески, он настроил пандури светлого дерева и присел на низком табурете.

Циала вышла в расшитом крестами жилете поверх темносинего платья и в высоких грубых носках, похожих на вязанные сапоги. Близнецы у нее на руках жмурились от света и терли глаза.

– Да поставь ты их на ноги! – возмутился дядя Гоча. – Набаловала.

– Они еще не проснулись, Гоча, – оправдалась Циала, но опустила сыновей на пол. Оба встали, расставив крепкие нож-

ки и исподлобья хмуро глядя на нас.

– Ну, бычки! – усмехнулся дядя Гоча. – Узнали Гию? А это его школьный товарищ... Я скажу им вашу любимую балладу...

Мальчишки завозились, устраиваясь возле нас на скрипучей тахте. А Циала отбросила с глаз рыжеватую челку и села рядом с мужем.

– Теперь молчок, и чтоб у меня ни звука! – строго сказал дядя Гоча. Он повел взглядом на жену и добавил: – А потом Циала приготовит нам хинкали. Не какие-нибудь, а хевсурские.

– Как скажешь, дорогой, – с готовностью откликнулась Циала и улыбнулась светло и кротко.

Мы с Чипо растерянно помалкивали. А дядя Гоча забренчал на пандури, слегка откинул голову, и запел балладу про юношу и барса. Мы проходили ее в школе, но не сразу узнали, потому что знакомые слова проносились нараспев и на хевсурский лад. Вернее, это было не пение, а речитатив – резким открытым голосом, под монотонное бречание пандури.

...Молодой охотник («юноша безусый» – сказано в балладе) ушел в горы охотиться на туров.

Село-крепость Шатили в Хевсурети

Увлеченный охотой, он забрел
очень высоко и там повстречался
с барсом. Барс бросился на юношу,
они схлестнулись в яростной схватке,
не уступая друг другу ни в смелости,
ни в силе.

...Нет, доспехи не защищали,
И худая защита – щит:
Барс кольчугу рванет клещами
И – кольчужный подол трещит...
Поздно выхвачен меч – прангули*,
Запоздало сверкает меч:
Две струи на песке сверкнули,
Двум соперникам время лечь...
Кровь течет, расплываясь ало,
И неслышно стекает вниз...
Все! Охотник прилег устало,
Горный барс на скале повис...

Между тем мать юноши, томимая
тягостными предчувствиями,
пытает гадалок и прорицательниц,
отправляется на поиски и находит
мертвого сына!

...Омывала слезами раны,
Прилегла у сыновьих ног.
Труд погибельный – подвиг
бравый – Позади: отдохни,
желанный. Как в младенчестве
спи, сынок. Притомился,
бесстрашный воин?
Неужели тебе не встать?!
И соперник тебя достоин,
И сопернику ты под стать.
Ты – кольчужный подол
изорван! Он – изрубленный
до кости, – Оба вы, не приняв
позора, Не сумели себя спасти.
Истончился в бою прангули.
Не пролейся, слеза, из глаз!
Над тобою рыдать могу ли?
Пред тобою бессилен барс...

Убитая горем мать хоронит сына.
Но с этой минуты нет ей покоя:
все видится по ночам схватка
юноши с барсом... И плачет она,
и мается... И тут происходит
самое удивительное, потрясающее,
что я всегда читал с замиранием сердца.

...Шепчет матушка: «Никакое

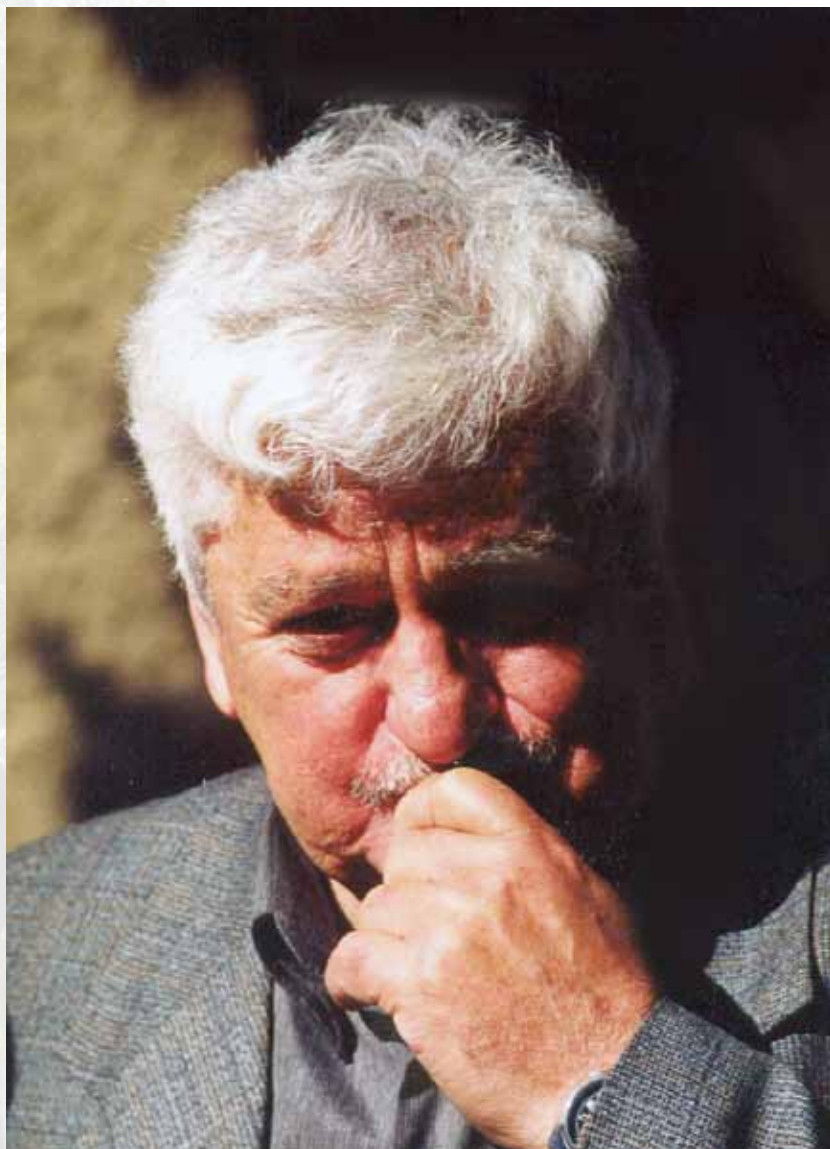
Без любви не взрастет дитя.
Может, вовсе изнемогая,
На холодной скале сейчас
Под луною кричит другая –
Та, которую вскормлен барс?
Скоро полночь.

Пойду к вершине.
Посидим на скале вдвоем –
Пусть расскажет о мертвом сыне
И послушает о моем...
Все различия ни при чем.
Материнская скорбь безмерна,
Как страдает она, наверно:
Барс-дитя – иссечен мечом!*

Дядя Гоча умолк, склонился над пандури.
Циала положила ему руки на плечо
и прижалась щекой. Все молчали.
Потом мы услышали звук,
похожий на щенячий скулеж.
Взглянули на Чипо – он кусал губы
и морщился, пытаясь унять слезы.
Мальши – два маленьких хевсура –
смотрели на него из-под сросшихся
бровей горящими, как угольки,
глазами.

*Прангули - дословно французский; в Хевсурети встречается оружие европейских мастеров

*Стихи даны в переводе Яна Гольцмана

Резо Чеишвили

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАЛИКО ХВИНГИАДЗЕ

РАССКАЗ

■ **Резо ЧЕИШВИЛИ**

*Перевод с грузинского
Камиллы Мариам КОРИНТЭЛИ*

Окончание

– Вы курили?
– Курил ли я? – он огляделся в поисках очевидца.
– Что говорит этот человек, Варлам, слышишь?.. Я любил крученный табак, мой господин, особенно тот, который привозили обычно из Окри-

бы, который выдерживали в набослари*, нанизанный по одиночке – вот это был табак. Я его резал наточенным, как бритва, острым топором на балконе моего дома, и когда брал щепотку другую и сыпал обратно, казалось, мед льется из кувшина. А это разве табак? Мусор, извините за выражение, по сравнению с тем табаком. Мы, дорогой мой батано Тамаз, курили тот та-

*Набослара – т.е. место, где прежде был хлеб

бак, но и тот нельзя сказать, что был на пользу и когда мой ребенок в аквани* начал кашлять, я перестал курить в доме, но я так был пропитан табаком и табачным дымом, что боялся лишней раз приласкать ребенка. И тогда я дал страшную клятву моей маленькой дочурке, еще несмышленишу Нино: пусть ты у меня не вырастешь, если с этого дня я хоть раз закурю. И потом сколько раз меня тянуло закурить, столько раз передо мной вставало ее личико, и она мне помогала не нарушить эту клятву. Курильщиков табака я в разведку не брал, батано Тамаз. Они кашляли, извините меня, отхаркивались, где попало дымили, и, простите за выражение, плевались. По ночам огоньки папирос освещали их местонахождение, собаки с легкостью их обнаруживали, брали след нюхом. Помню, однажды ночью мы раскинули лагерь на большом поле и объявили «перекур». Все курильщики одновременно закурили, и случилось то, что должно было случиться. За рекой на том берегу сидел в засаде немецкий снайпер. И, хотите верьте, хотите нет, он стал стрелять боком. Столько времени я не говорил, но сейчас должен сказать: ни у кого из курильщиков не осталось передних зубов – снайпер, как я заметил, развлекался этой ночью и у каждого курильщика раз за разом выбивал передние зубы. Из-за курильщиков один раз со мной такое приключилось, чего я в жизни не забуду. Вот как это было. Во время большой и очень тяжелой атаки враг взорвал на реке мост. Часть нашего батальона оказалась на том берегу, часть на этом. Той, заречной части войска, конечно, пришлось бы очень туго, если бы благодаря моей смекалке и сообразительности мы не перебросили вовремя живую силу на тот берег. Для сооружения моста времени не было, враг не дал

*Аквани – грузинская колыбель

бы нам такой возможности. Зачем зря говорить, скажу вам прямо, мне нечего скрывать: я задумал построить, вернее – проложить, живой мост через реку. В одно мгновение промелькнул в сознании этот невероятный проект. Командующий дивизией догадался, что я что-то придумал, Петрович, говорит, вижу, ты что-то задумал, скажи, не томи. Опять же ты должен помочь, наш спаситель, наша палочка-выручалочка, – похвалил меня, воодушевил. Человеку ласковое слово всегда приятно, а так я-то свой долг всегда хорошо выполнял, ни похвалы не требовал, ни награды, ни чинов и медалей. Что долго тянуть, словом, уложил я одного солдата ничком на воду, сам встал на берегу и держу этого солдата за ноги. Второй боец так же ничком лег перед первым, первый схватил второго за ноги, как я первого, второй третьего держал за ноги, третий четвертого, четвертый перед третьим лег и пятого ухватил за ноги, шестой перед пятым лег на воду и так до конца, до того берега. Представляете, да? Как плоты вяжут. От нас последний стал на том берегу первым, он уцепился за корни дерева. Каждый держится за пятки впереди лежащего, и вот протянулся живой мост на поверхности воды! Представляете себе как это? Ну вот, таким образом, таким манером, словом, несколько сотен бойцов по спинам товарищей бегом перешли живой мост, но на мою беду, одно звено, если желаете, один сегмент, то есть, один боец оказался отчаянным курильщиком, посреди реки на него напал дикий кашель, он пытался его подавить, но не смог, выпустил из рук ноги товарища и живой мост распался на части, впрочем, главные части войска уже были перебросены на противоположный берег. Этот факт не сыграл роли в дальнейшем ходе войны. Тогда я ничего не сказал, человек был в безвыходном положении, и я промолчал. Но позже я объявил ему выговор. А как же иначе? Что я должен был сделать, когда один человек чуть не погубил такое начи-

вание, чуть не бросил в воду все усилия!

– «Чуть не бросил в воду»? Да как раз в воду и бросил, – заметил Автандил.

– Да, да, вот именно! История мировых войн, хотите верьте, хотите нет, оказывается, не знает такого изобретения, я говорю про живой мост, военным специалистам такое не известно, я ведь и не знал, что считаюсь автором такого поразительного изобретения. Когда султан взял Константинополь, он связал в цепочку на Босфоре корабли, корабли сделал мостом, но то, что сделал, я не совершал никто. Сейчас, оказывается, в зарубежных армиях разрабатывают этот простой метод. Причем, они не удовлетворяются одним рядом, хотят протянуть живой мост в четыре и пять рядов, чтобы перебросить технику – танки и пушки. Пока что ничего у них не получается, мне и это сказали, да и не получится, потому что тогда, когда я в безвыходном положении спешно что-то придумал, это было другое дело, а сегодня у нашей армии есть такая техника, они за секунды, оказывается, сооружают различные мосты.

– А вы прыгали с Белого моста в Риони, дядя Шалико? – поинтересовался Автандил.

– С чего ты это вспомнил? – с налетом подозрительности спросил Шалико.

– Да так, просто, даже не знаю, – ответил Автандил.

– Прыгал ли я в Риони с Белого моста? Варлам, ты слышишь?

– Слышу и ушам не верю, – отозвался Варлам.

– Когда выстроили Рион-ГЭС, когда воду перебросили в другое русло, в канал, и город оставили без Риони, вот тогда я прыгнул, да не с Белого моста, а с крыши

*Белый мост – один из мостов через Риони. Хорошие пловцы – мальчишки и молодые люди прыгали с его перил в реку. Русло реки было полно огромных белых валунов и прыжки с Белого моста были опасным развлечением и пробой сил, умения и молодечества. Один из замечательных личностей и поэтов XX в. Колау Надирадзе вспомнил в беседе со мной, как он прыгал в реку с Белого моста – прим. пер.

бани, а баня ведь выше перил моста*. Прыгнул я в пересохшую реку, русло которой было так сужено, что вода лишь чуть-чуть покрывала белые камни. Прыгая, я доверился своему чутью. Я был тогда уже взрослый парень. За мной и другие последовали. Вот так это было, об этом и говорить не стоит, дорогой мой Автандил. А сейчас, дорогие господа, лучше расскажу я вам одну историю, которая со мной приключилась. В разгар войны в один прекрасный день оборвался кабель связи. Послали меня связистом, с заданием – восстановить связь. Иду я по заброшенному окопу, иду и выхожу в чисто поле. Смотрю, за полем этим овраг большой, за оврагом кустарники и, конечно, березовый лес виднеется. Посмотрел я на поле, посмотрел на лес – тишина. Ни единой души нигде не видно. То ли я нутром почуял, то ли еще как, не знаю, но не понравилась мне эта тишина, безмолвие и безлюдье показались мне дурным предзнаменованием. Чутье не подвело меня – испытанного, многоопытного солдата, но выбора не было, и я решил бегом пересечь поле. Но, оказывается, с трех сторон в засаде фашисты сидят. Запалили они со всех трех сторон из всех своих ружей и автоматов. Смотрю – пули дождем летят крест-накрест. Бегу я и ловко увиливаю от пуль, то вправо уклоняюсь, то влево, голову то опускаю, то подниму с быстротой молнии. Лавирую, как шпулька, как челнок, туда-сюда, между пулями. Я так искусно избегал пуль, что сам удивлялся своей ловкости, а уж немцы вообще глазам не верили. Как потом выяснилось, один из них так разозлился, видя, что ружьем он ничего не может сделать, что схватил гранату и швырнул в меня, но я и тут изловчился, поймал на лету гранату и вернул обратно тому немцу. Он тоже оказался очень ловким малым, тоже в воздухе поймал гранату и снова запустил в меня. Я опять поймал гранату и бросил в него, он поймал и бросил в меня,

я поймал гранату в воздухе и бросил в него, он поймал, словом, так мы перебрасывались этой гранатой пока она не взорвалась там где-то. Конечно, все имеет свое время и свой срок. Граната больше не выдержала и взорвалась. А в этом перебрасывании и швырянии гранаты я и не заметил, как перешел поле и углубился в лес. Теперь, коли речь зашла о связистах и разведчиках, расскажу вам еще кое-что удивительное, если, конечно, я вам не надоел и если у вас глотки не пересохли.

– Что вы, что вы, разве может человеческое ухо услышать что-либо лучшее! – всполошился Тамаз Кипиани.

– Прекрасно! Так вот, однажды, нежданно-негаданно дали мне задание, весьма серьезное и весьма опасное, но об этом позже. Берите, берите, кладите на тарелку, уважаемый Тамаз, клянусь вам, ну на что годится сидеть за столом перед пустой тарелкой и пустым стаканом, к тому же это Минадорой приготовленной ткемали, а я, кстати, о ткемали вам буду рассказывать...

– О-о, достаточно, это много, батона, хватит, благодарю... Я сам за собой поухаживаю, не беспокойтесь, а вы продолжайте...

– Да, направили меня на это серьезное задание. Сейчас я уже не стану скрывать, с той поры много лет минуло, уже можно про все говорить. А я стал тянуть время, ну не знаю, как будто черт меня подзуживает, не иду и все, и не отказался, и не иду, и оно еще хуже, у меня вышло, знаете, вроде как среди зимы просить свежую мяту с сыром перемешанную или зеленое ткемали свежеприготовленное. Как говорится, старуха в январе клубнику захотела, слышали поговорку? Большой выговор мне вlepили, тут же пошли суды-пересуды, слухи там всякие, как обычно бывает, эти слухи разрослись, чего там не намешали, как водится, и в конце концов доложили командующему армией, что такое вот дело и

– придвиньтесь-ка поближе, – дошло до Сталина!

– Да ты что!.. – всполошился Варлам.

– Да, да, вот так!.. А Сталин говорит, Иосиф, – оставьте вы этого Шалико Хвингиадзе, пошлите кого другого, что вы уперлись!.. А нету у нас другого, замены нет, – ему докладывают. Тогда, говорит этот благословенный, подайте ему свежее ткемали, смешанный с молодой мятой молодой нежный сыр да прибавьте к этому самтредских цыплят, зажаренных в кеци*. Так было это дело.

– Хорошие слова он сказал, клянусь моей головой, – воскликнул Варлам.

– Принесли тебе свежее ткемали, дядя Шалико? – спросил Автандил.

– Да, только вот омбало не смогли там найти и киндзи чуть-чуть не хватало.

– Ну-у, это жаль! – огорчился Варлам.

– Короче говоря, сейчас я вам расскажу главное. Что я мог сказать после всего этого, не мог же я из-за омбало убиваться. В общем, пошел я в тыл врага выполнять это опасное и невероятное задание, о котором сейчас все говорят, на все лады перекраивая и приукрашивая то, что на самом деле было. Пусть хотя бы вы будете знать, как все произошло, хотя бы вы будете после меня рассказывать истину. Я отклонился от темы, но сейчас же продолжу, реальность не приукрашу, никак не погрешу против истины. Все равно, людям глаза не замажете, ложь и выдумки, если даже очень захочешь, никто за правду не примет. Зачем вас долго томить, сел я, значит, в одномоторный самолетик и полетел. Но тут откуда не возьмись смерч появился и закрутил наш самолетик, как сухой осенний листок. И, что тут долго рассказывать, шмякнул оземь и оба его крыла расколол, как квасцы для орехового варенья. Что будешь делать?! Пилот говорит

мне, славный был парень, по фамилии...

– Некрасов, – напомнил Автандил.

– Верно, Некрасов, ты что, знал его?

– От тебя слышал, дядя Шалико.

– Да. Говорит Некрасов, пилот. Прыгай, Петрович, наше дело швах. Я не прыгнул. Не бросил бы я человека в беде, не оставил бы одного, к тому же и парашюта у меня не было. Прыгай, говорит Некрасов. Нет, не прыгну, нельзя, нет, прыгай, нужно. Ну, опять же я верх взял. Высунулся из кабины, раскинул обе руки пошире, как крылья, и так, окрыленный, посадил в конце концов наш красивый маленький самолетик на маленькое пустое поле. Так оно, Варлам, человек нигде не пропадет, если мозгами, и руками тоже, немножко подвигает. Выпейте, господа мои, и я продолжу.

– Что это был за самолет? – спросил все же Автандил.

– Старый, простой, – махнув рукой, ответил Шалико.

– Короче, той же ночью... слушайте, слушайте сейчас я подошел к той нашумевшей истории, дорогие господа, приблизился к потайному бункеру немецкого верховного главнокомандования, который военные специалисты называют Ставкой! Как я туда добрался, каким путем, каким образом – это уже другая история, это я расскажу вам в другой раз, если будем живы, здоровы, а теперь не стану утомлять, перейду прямо к делу. Значит, утро раннее, рассветает, я накинул петлю на зубец бетонной крышки, приподнял ее, конечно, и через вентиляционное отверстие заглянул прямо в главный зал. Смотрю и вижу, но что вижу! Если бы я не видел этого своими глазами, никому бы не поверил, ни в коем случае! Вся свора фашистского главного командования оказалась перед моими глазами. Они стояли вокруг огромного стола, на котором была расстелена огромная карта, они окружали ее со всех сторон, а во главе стоял – кто бы вы

*Кеци – глиняные сковороды; омбало – мята болотная

думаете? – сам Гитлер, пусть он там и останется!.. В руке он держал огромный красный карандаш и он чертил им по подступам к Сталинграду, по волжским фортификациям, по переправе, по воде, по земле, то есть, по суше... Грандиозная Сталинградская операция еще не была начата, и они, конечно не предполагали, какой черный день их ждет. Тогда они думали только выйти к Волге, и доклад делал, как его, этот фельдмаршал?.. Как говорится, крестьянин забыл название мчади, так и я вот...

– Паулюс, – подсказал Автандил.

– Паулюс... Откуда ты все знаешь?

– Что мне делать, знаю, – застеснялся Автандил.

– Кто стоит во главе Донского фронта? – спрашивает Гитлер. Такой-то и такой-то, господин начальник. Кто командует восточно-западным фронтом, тоже ответил Паулюс, между прочим, что правда, то правда, сказал точно. В центре кто стоит, с этой стороны, с той стороны и так далее. Под конец он остановился на незначительной, но весьма стратегической точке, он... этот... – рассказчик приостановился.

– Гитлер, – напомнил потерявший терпение Варлам.

– Да, Гитлер. А здесь кто стоит? Хотите или нет, назовите. Воцарилась тишина. Они затруднились называть. Потом один сравнительно смелый генерал говорит, придвиньтесь, говорит, поближе, там стоит Шалико Хвингиадзе со своей сотней. Тогда, вскричал он, Гитлер, чего вы меня сюда привели, почему раньше не сказали, что Шалико Хвингиадзе там стоит, проиграли мы войну, и все! Швырнул с силой карандаш об стену, ногой пнул карту. Перепуганные генералы, хотите верить, хотите нет, один за другим выбежали из бункера. Гитлер остался один, задумался и проговорил: Эх, Шалико, Шалико, Шалико...

– Он знал грузинский? – неуместно спросил Тамаз.

– Так, еле-еле... ломаным языком говорил... – спокойно

ответил Шалико.

– У него жена была из семьи Датешидзе, дорогой мой господин, как бы он не знал! Я вам удивляюсь, клянусь моей головой, – ответил Варлам.

– Я совсем забыл об этом, – отступил Автандил.

– Вправду ли была его жена Датешидзе? – икая, недоверчиво заметил Тамаз. Вино его разобрало, и он смотрел помутневшими глазами на членов застолья. Он и сам не понял, когда опьянел.

– Это все, конечно, сказки, – внезапно произнес хозяин. – Никогда у Гитлера не было жены из рода Датешидзе, и если хотите знать правду, речи не было о его сватовстве.

Слушатели опешили. Дирижер Кипиани даже слегка протрезвел.

– Во-первых, – заговорил Шалико, – Гаянэ Датешидзе вышла замуж в Твиши, и он, хотите верить, хотите нет, в глаза ее не видал.

– Кто «он», о ком ты говоришь, скажи нам, – не вытерпел Варлам.

– Он – Шилкгрубер, с которым мы вместе кутили, я вам не рассказывал?

– Что еще за Шилкгрубер, что за черт?

– Ты как хочешь его называй, это настоящая фамилия Гитлера, – заявил Автандил.

– Помолчите, Бога ради!

– Он правду говорит! – подержал Шалико.

– Так было, так, – сказал Автандил.

– Говорю я вам, человек с такой фамилией приехал в Кутаиси, это правда был Гитлер или кто другой, пусть умрет его покровитель и тот, кто его любит, эту историю разбирают... Да вы что, впервые это слышите?

– Как впервые, когда об этом весь Кутаиси говорил в одно время, но то, что ты, дорогой Шалико, был замешан в этом деле, я действительно не знал, – заявил Варлам.

– Если не знал, узнай сейчас, послушай меня и в точности запомни все. Нынешнюю Габашвилевскую гору, дорогой мой господин, в свое время приобрел один, Бог

знает каким образом, разбогатевший крестьянин, некий Афрасион Датешидзе, это был тысяча девятьсот восемнадцатый год или девятнадцатый, может быть и вовсе двадцатый, точно не помню. Он хорошо обустроил дом, двор, начал дело, словом, это долгая история, я не стану сейчас на этом задерживаться и коротко скажу вам, что этот возвысившийся крестьянин своего сына Датушу отправил в Германию – на учебу. В один прекрасный день этот самый Датуша Датешидзе в тысячу девятьсот восемнадцатом году или в девятнадцатом, а может и в двадцатом, я точно не помню сейчас, приехал на каникулы в Кутаиси и привез с собой товарища Шилкгрубера, впоследствии, дорогой мой господин, именуемого Гитлером. Кто-то говорит, что он был сыном хозяина дома, в котором жил Датуша, кто-то считает, что он был товарищем, сокурсником Датуши, что, по моему мнению, маловероятно. Но факт, что оба они в один прекрасный день прибыли в Кутаиси. Я был тогда юношей, молодым человеком, но мое имя далеко было известно, сейчас это неважно. Одним словом, позвал меня Афрасион, пригласил на застолье, которое устроил в честь сына, не буду скрывать, что и тамадой меня поставил. Там, где сейчас парашютная вышка, чуть ниже, где теперь ресторан стоит, сколько раз вы там сидели – не счастье, на самом том месте, под липами, был накрыт роскошный стол, на котором конечно, только птичьего молока не хватало. Шилкгрубера, дорогой Авто, долгих тебе лет, а Гитлера я так видел, как тебя сейчас вижу. По правде говоря, я-то это никому и нигде не говорю, но вы свои, мне от вас скрывать нечего, вам могу сказать – Вторая мировая война началась отчасти по моей вине: если это был тот человек, не хочу столько раз упоминать его имя, а если он им не был, я ничего против него не имею, и тогда не имел. В ту ночь мы, что долго рассказывать, хорошо провели время, поку-

тили на славу, по-нашенски, по-старинному. Но что-то этот гость не по душе мне пришелся, что-то не понравился он мне. В ту ночь он уворовал несколько рогов вина – ну, тосты не выпил, не выпил тост за наших братьев и сестер – детей наших родителей, и более того, кажется, не выпил завершающий, обязательный тост – за всех святых. Я их язык не знаю и особенно не настаивал, но остался очень недоволен, обижен даже. И я подумал: я не допущу, чтобы ты в своей Германии хвастал, дескать, я Шалико Хвингиадзе напоил, тогда как нет на земле человека, который может сказать такое. Поймите меня правильно, но я намерился побить того человека, гостя. Один взмах моей руки – и исчезновение того человека, гостя, было бы делом одной минуты, вы, конечно, не сомневаетесь, я знаю, и человечество избавилось бы от этого неупоминаемого*, если он был тот, о котором я говорю, а если нет, мне до него и дела нет, что бы я требовал от несчастного, у которого от худобы щеки просвечивали! Ну, короче говоря, Афрасион Датешидзе догадался о моем намерении. Шалико, – сказал он мне, – прошу, не бей моего гостя, и эта гора вместе с цепным мостом** будут твои. Я не мог не уважить хозяина дома, дал слово и сдержал его. Так завершилась эта история. С той поры я ни гору не попросил, ни мост, да и зачем было просить, все равно, Датешидзе все это потеряли. Короче говоря, Авто, заклинаю тебя, нигде не скажи, но того человека, пусть он останется там, где был, я там видел в ту ночь, дорогой Авто!

– Да, наверное, так оно и было, – утвердительно покивал головой Автандил и покрутил на столе полный стакан.

– Возможно, возможно, – подтвердил Варлам и тоже покивал головой.

– Спросите Джиджи, если

мне не верите.

– Джиджи ведь умер, дядя Шалико, – не вытерпел Автандил.

– Погиб он, – чуть помедлив, глухо проговорил Шалико, и глаза его уставились в одну точку. – У меня есть право шутить с ним, больше ни у кого, на меня он не обидится, я знаю.

– Погиб он, бедный, кроме него, у его родителей никого не было... – сказал Варлам.

– Когда мы с ним проходили мимо сада*, все, женщины и мужчины, останавливались, смотрели на Джиджи, на нас никто внимания не обращал, я был никто перед ним! – Шалико встал, все молча встали.

– Какой парень погиб, какие ребята остались в чужой земле... Давайте, кто назад не вернулся... вечная им память и воспоминание, кто на родину не смог вернуться, не увидел отчизну, свой виноградник, жену, детей и друзей – всем вечная память, вечная им!

– Вечная память, – сказал Автандил.

– У меня дядя погиб, мамин брат, – еле ворочая языком проговорил Кипиани.

– У меня брат погиб, младший брат, остался в земле Украины, впервые в жизни он побрился там, на фронте. Моя мать с горя умерла, вечная память им всем, – тяжело вздохнув, сказал Варлам и осушил свой стакан.

– Пусть там им будет светло, – произнес Шалико. – Когда я вернулся с войны, город мне показался пустым. Возле ограды сада мне было стыдно остановиться. Куда ушли, где сейчас эти парни?! Где, Варлам, твой несчастный брат Бучута Абуладзе? Где Антуша, Ражико, где Гваджаиа Мхедидзе? Как я мог думать, что Гваджаиа убьет пуля?! Ваши имена – святыня, простите, если я что-то делаю не так!

Долго никто не произносил ни звука. Варлам, не таясь, утер слезы и сел.

– Сядем, батону Тамаз,

садитесь, пожалуйста. Пусть все будем здоровы, пусть не нарушится мир на земле, не дай Бог еще раз увидеть нашему народу горе и ужас войны. А мою историю кто сможет рассказать? Для этого один вечер – слишком мало. Кто опишет, кто сможет полностью передать потомкам все то, что было мной пережито? Кто узнает, сколько рек я переплыл, по скольким болотам я прошел, скольких пуль и гранат я избежал, какие-то из них и попали в меня, но я не упал, не сломался, не утратил бодрости! В поле танк меня преследовал, дуло оружейное я шапкой затыкал, на пушку запрыгивал, апшара подкладывал, на свой лад скакал, пулей винтовки четырехмоторный бомбардировщик с лету наземь сбрасывал, в фашистском тылу телефонные провода перерезал, каменные ограды рушил, мосты взрывал, поезда с рельс спускал... Кто все это вместе свяжет и расскажет? Что-то я сегодня вам поведал, что-то на завтра оставил. То, что война кончилась, все сразу узнали, но я это все же повторяю – мы победили! Был в честь победы большой парад на Красной площади в Москве. И когда я верхом на белом коне, в развевающейся белой бурке вихрем влетел на эту площадь, Буденный, наклонившись к Ворошилову, сказал ему: если это не Шалико Хвингиадзе, плюнь мне в глаза.

– За твоё здоровье, дядя Шалико! – провозгласил тост Автандил и налил новый стакан вина.

– Куда ты торопишься, милый человек!

– Всему свое время, дядя Шалико.

– Правильно, правильно, – еле пролепетал Кипиани.

– Что ты говоришь, Автандил, глубокая ночь на дворе, у моих кувшинов пока что дна не видно, мой марани пока ломится!

– Да, да, – простонал дири-

*Не упоминаяемая – так в народе табуируют упоминание змеи
** Цепной мост – один из мостов через Риони

*Сад – в самом центре Кутаиси, издавна был местом гулянья и променадов, встреч и свиданий

жер.

Автандил поглядел на товарища, улыбнулся Шалико, потом потрепал по плечу Кипиани и поднял стакан:

– Будь здоров дядя Шалико, наш старший друг, ты для нас как отец, в горести и в радости ты всегда рядом, столько переживший, столько перевидевший, в стольких бедах и испытаниях выстоявший, честный, порядочный, добрый и строгий!

– Спасибо, спасибо, не достоин я!.. Спасибо, мой Автандил, мой Тамаз, мой Варлам!

Гости ушли. Пошатываясь и покачиваясь, пробирались они по следу заснеженной свежим снегом дорожке, пересекли заснеженный двор, вышли за калитку и исчезли, растворились в белой непроглядности ночи.

Тишина воцарилась в комнате. Догоравший огонь в печке покрывался золой. Сон одолевал Шалико Хвингиадзе. Он несколько раз задремывал и просыпался. Варлам

сидел молча, смотрел на угасающие головешки.

– Снег еще идет? – спросил Шалико.

– Идет, и если не очистить его ночью, к утру все крыши надо будет расчищать...

– Как я поднимусь на крышу! Дом не выдержит, развалится!

– Об этом не печалься, если будет нужно, я приду и сгребу снег с крыши. А теперь пока, будь здоров!

– Ты тоже уходишь, парень?

– Пойду. Пора уже. Утром надо рано вставать. Да и ты отдохни, – с этими словами Варлам надел свою синюю выцветшую шинель.

– Как пережить эту нескончаемую зиму, Варлам? – спросил Шалико.

– Скоро весна настанет, старина. Стой крепко, – он улыбнулся, подошел к двери и открыл ее.

– Все же уходишь?

– Завтра вечером снова приду... Охо-хо-хо, как сильно идет снег! – удивился Варлам

и посмотрел на белое низкое небо.

– Такой же снег шел тогда, когда я перешел Альпы, – вспомнил Шалико.

– Альпы ты перешел или Суворов? – спросил Варлам.

– Я, я!.. – сквозь сон проговорил Шалико.

Варлам прихлопнул за собой дверь и ушел. Хруст снега вскоре смолк. Калитку он закрыл бесшумно. Снег падал и падал. Известняковые горы, плетни, каменные ограды, поблескивающие рельсы, дома из красного кирпича все больше и больше погружались в плотную белизну. Откуда-то издали, из тепла курятника, как-то неохотно кричали петухи.

У полупогасшей печки в покрытом козьей шкурой сакарцхули, в деревянном кресле, дремал Шалико Хвингиадзе, и виделись ему заснеженные, сверкающие в лучах солнца величественные Альпы.

თბილისის ა.ს. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო აკადემიური რუსული დრამატული თეატრი
Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

სეზონი 177
СЕЗОН 177

ივნისი იუნჯი 2023
ИЮНЬ 2023

სეზონის დასურვა
ЗАКРЫТИЕ СЕЗОНА

9, 30 ივნისი
ИЮНЯ

ა. ვარსიმაშვილი
არ დაიღარღო!
დანელიადა ორ მოქმედებად

А. Варсимашвили
НЕ ГОРЮЙ!
Данелиада в двух действиях

დამდგმელი რეჟისორი
ავთანდილ ვარსიმაშვილი

Режиссер-постановщик
АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ

9 პარ. Пт.	ა. ვარსიმაშვილი А. Варсимашвили 19.00	არ დაიღარღო! დანელიადა ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	НЕ ГОРЮЙ! Данелиада в двух действиях (Большой зал)	
13 სამ. Вт.	ი. ვილკვისტი И. Вилквист 19.00	ჰელვერის ღამე დრამა ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	НОЧЬ ГЕЛЬВЕРА Драма в одном действии (Большой зал)	
14 ოთხ. Ср.	ა. ჩეხოვი А. Чехов 19.00	ძია ვანია დრამა ორ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ДЯДЯ ВАНЯ Драма в двух действиях (Малый зал)	
23 პარ. Пт.	ბ. მაზური Н. Мазур 18.00	აგნეს, უილის ცოლი წარმოდგენა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	АГНЕС, ЖЕНА УИЛЛА Представление в одном действии (Малый зал)	
30 პარ. Пт.	ა. ვარსიმაშვილი А. Варсимашвили 19.00	არ დაიღარღო! დანელიადა ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	НЕ ГОРЮЙ! Данелиада в двух действиях (Большой зал)	

www.griboedovtheatre.ge
www.biletebi.ge

ცნობები ტელეფონებზე:

Справки по телефонам: 2-93-11-06, 2-93-43-36

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი ავთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი, კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი

Художественный руководитель театра АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии им. К. Марджанишвили

Фото Бадри ВАДАЧКОРИЯ